4° P.o. russ. 89 (2

Reserve

4° P. o. ross. 87 (2

Reserve

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Ж.

20/87/637

СТИХОТВОРЕНІЯ

Василія Жуковскаго

Часть II.

Гр: Н: Уткинъ. Стр: 15.

Санктпетербургъ
1816.

Res.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ЖУКОВСКАГО.

ЧАСТЬ II.

Смѣсь.
Баллады.

.... wer den Besten seiner Zeit
Genug gethan, der hat gelebt für alle Zeiten.

Schiller.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Медицинской типографіи
1816.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября 7 дня 1815 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Смѣсь.

Славянка (1815) . . . . 7.
Гимнъ. *Подражаніе Томпсону* (1808) . . . . 19.
Сельское кладбище, элегія. *Изъ Грея* (1801) . . . . 27.
Моя богиня. *Подражаніе Гете* (1810) . . . . 39.
Счастіе. *Изъ Шиллера* (1810) . . . . 49.
Теонъ и Эсхинъ (1814) . . . . 55.
Молитва Рускаго народа (1813) . . . . 63.
Къ Делію. *Подражаніе Горацію* (1809) . . . . 64.
Къ К. М. С....ой . . . . 66.
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С....ой . . . . 67.
Къ Тургеневу (1813) . . . . 69.
Доброй совѣтъ (1814) . . . . 71.
Дружба . . . . 73.
На смерть Эрминіи. *Подражаніе* . . . . 74.
Идиллія. *Подражаніе* (1806) . . . . 75.
Къ Филону. *Изъ Маттисона* (1813) . . . . 77.
Уединеніе. (Отрывокъ) (1813) . . . . 79.
Сонъ Могольца. *Изъ Лафонтеня* (1806) . . . . 83.
Отрывокъ изъ посланія къ Князю Вяземскому (1814) . . . 86.
Эпимесидъ. *Изъ Парни* (1813) . . . . 89.

Стран.

Пиршество Александра. *Изъ Драйдена* (1812) . . . . . . 97.
Библія. *Подраж. Фонтану* (1814) . . . . 107.
Аббадона. *Изъ Мессіяды* (1814) . . . . 113.
Вечеръ (1806) . . . . 127.

Баллады.

Людмила. Подражаніе *Бюргеру* (1808) . . . . 137.
Алина и Альсимъ. *Изъ Монкрифа* (1814) . . . . 151.
Варвикъ. Подражаніе *Саути* (1814) . . . . 163.
Пустынникъ. *Изъ Гольдсмита* (1812) . . . . 175.
Адельстанъ. Подражаніе *Саути* (1813) . . . . 187.
Ивиковы журавли. *Изъ Шиллера* (1813) . . . . 201.
Кассандра. *Изъ Шиллера* (1810) . . . . 211.
Эльвина и Эдвинъ. Подражаніе *Маллету* (1814) . . . . . . 219.
Свѣтлана (1812) . . . . 229.
Эолова арфа (1814) . . . . 245.
Ахиллъ (1814) . . . . 259.
Двенадцать спящихъ дѣвъ (1811) . . . . 273.

СМѢСЬ.

СЛАВЯНКА.

Славянка рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ и въ особенности два памятника, произведеніе знаменитаго Мартоса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ Государынею Вдовствующею Императрицею въ честь покойнаго Императора ПАВЛА. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ ПАВЛА; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ Царской; на пьедесталѣ барельефъ, на коемъ изображено семейство Императорское: Государь АЛЕКСАНДРЪ представленъ сидящимъ; голова Его склонилась на правую руку; а лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса; другая летитъ съ небесъ, на встрѣчу первой. — Спустясь отъ дворца къ рѣкѣ Славянкѣ (сливающейся передъ самымъ дворцомъ въ небольшое озеро) находимъ молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое нибудь радостное произшествіе въ Высокомъ Семействѣ Царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная *урна Судьбы*. Далѣе, на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ Великой Княгинѣ АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВНѢ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ и безвременный конецъ Ея: вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; Она готова покинуть міръ сей; Она еще не улетѣла, но душа Ея смиренно покорилась призывающему ея гласу; и взоры и рука Ея, подъятыя къ небесамъ, какъ будто говорятъ: *да будетъ воля* Твоя! Жизнь, въ видѣ юнаго Генія, простирается у Ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но Она ее не замѣчаетъ, Она повинуется одному Небу — и уже надъ головой Ея сіяетъ звѣзда новой жизни.

СЛАВЯНКА.

Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой,
Когда, въ осенній день, въ твои глядятся воды
Холмы, одѣтые послѣднею красой
Полуотцвѣтшія Природы!

Спѣшу къ твоимъ брегамъ.... сводъ неба тихъ и чистъ;
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой осыпавшійся листъ
Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой;
Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ картина!
То вдругъ, сквозь чащу древъ, мелькаетъ предо мной,
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

То вдругъ исчезло все... окрестъ сгустился лѣсъ;
Все дико вкругъ меня! И сумракъ и молчанье!
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье

Верьхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуновеньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ....

И вдругъ пустынный храмъ въ глуши передо мной:
Заглохшая тропа; кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ липъ чернѣетъ дубъ густой
И дремлютъ ели гробовые.

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ!
Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой главою,
Оно бесѣдуетъ о скорьби прошлыхъ лѣтъ
Съ неизмѣняющей Мечтою!

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно насъ!
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно-минувшаго внимаетъ!

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій мавзолей,
Сей факелъ гаснущій и долу обращенный,
Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь блага нашихъ дней,
Сколь всѣ величія мгновенны!

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы:
Сей витязь, на руку склонившійся главой;
Сей громоносецъ двоеглавый,

Подъ шуйцей твердою сѣдящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ Царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
Младые спутники денницы . . . .

О! сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для унывающей души краснорѣчивы:
Тоскуяль полетитъ она за край земной —
Тамъ всѣ утраченные живы!

Къ землѣль наклонитъ взоръ — великій рядъ чудесъ:
Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ славнымъ;
И міръ, воскреснувшій по манію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ!....

Но вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый лѣсъ;
Опять рѣка въ дали мелькаетъ средь долины:
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней лазурь небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей озаренна;
Спокойное село надъ ясною рѣкой;
Гумно и нива обнаженна.

Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ сѣдой
Клубяся по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ бѣгущихъ;
Тамъ медлѣнно, скрыпя, тащится рядъ возовъ,
Тяжелый грузъ сноповъ везущихъ.

Но солнце катится, беззнойное, съ небесъ,
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ;
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ;
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ: брегъ теменъ надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарёй;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтвями,

Сѣнистую главу купаетъ въ ихъ струяхъ;
Здѣсь храмъ между березъ и тополей мелькаетъ;
Тамъ лебедь, притаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка!
Сколь здѣсь ея бреговъ плѣнительна картина!
Въ лазоревый кристаллъ сліясь вкругъ челнока,
Яснѣетъ водъ ея равнина.

Но гаснетъ день.... въ тѣни склонился лѣсъ къ водамъ;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верьхамъ
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ облитъ,
И пышный домъ Царей на скатѣ озлащенномъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ, блеститъ
Въ величіи уединенномъ.

Но вечеръ на него покровъ накинулъ свой;
И рощи и брега, смѣшавшись, поблѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшія зарёй
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина!
Всё спитъ!... лишь изрѣдка въ далекой тьмѣ промчится
Невнятный гласъ.... или колыхнется волна....
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ.... окрестность вся молчитъ!...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою!

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ:
Какъ бы эѳирное тамъ вѣетъ межъ листовъ;
Какъ бы невидимое дышитъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою!

И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;
И, мнится, на меня вперилъ онъ темны очи;
Безъ образа лице; и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи!

Смотрю . . . . и, мнится, все, что было жертвой лѣтъ
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ!

Но гдѣ онъ?... скрылось все!... лишь только въ тишинѣ
Какъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ будто Геній путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье!

О! кто ты, тайный вождь? душа тебѣ во слѣдъ!
Скажи: безсмертный ли предѣловъ сихъ хранитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи: земной ли свѣтъ,
Иль небеса твоя обитель?...

И Ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ! на лицѣ величіе смиренья;
Взоръ къ небу устремленъ; надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья!

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ!
Младая Жизнь въ слезахъ простерта предъ тобою!....
Но гдѣ я?... все вокругъ молчитъ.... призракъ исчезъ,
И небеса покрыты мглою!

Одна лишь смушная мечша въ душѣ моей:
Какъ будшо міръ земной въ ничшо преобрашился!
Какъ будшо ша сшрана знакомѣй сшала ей,
Куда сей чисшый Ангелъ скрылся!

ГИМНЪ.

ГИМНЪ.

О Богѣ намъ гласитъ временъ круговращенье!
О благости Его исполненный Имъ годъ!
Творецъ! весна Твоей любви изображенье:
Воскреснули поля; цвѣтетъ лазурный сводъ;
Веселые холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ желаній тихій жаръ!
Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
То, мирный, благостный, несешь намъ зрѣлость въ даръ,
То намъ благотворишь, сокрытый тучь громадой!
И въ полдень пламенный и ночи въ тихій часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, источниковъ съ прохладой,
Не Твой ли къ намъ летитъ любови полный гласъ?
Ты въ осень общій пиръ готовишь для творенья!
И въ зиму, гнѣвный Богъ, на бурныхъ облакахъ,

Во ужасъ облеченъ, съ грозой опустошенья,
Паришь, погибельный.... какъ дольный гонишь прахъ
И вьюгу, и мятель, и вихорь предъ Собою!
Въ развалинахъ земля! Природы страшенъ видъ!
И міръ, оцѣпенѣвъ предъ Сильнаго рукою,
Хвалебнымъ трепетомъ Творца благовѣститъ!

О таинственный кругъ! какихъ законовъ сила
Сліяла здѣсь красу съ чудесной простотой,
Съ великолѣпіемъ пріятность согласила,
Со тьмою дивный свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье?
Почтожъ ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окрестъ себя Руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ,
И строемъ мирныхъ сферъ изъ тьмы недостижимой!
Она весной красу низводитъ на поля;
Ей жертва дымъ горы, перунами дробимой;
Предъ Нею въ трепетѣ веселія земля!

Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ ваша пѣснь Чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, слiянны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!..

Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣтерокъ!
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Его привѣтствуйте таинственною мглою;
О Немъ благовѣсти, крилатыхъ бурей свистъ,
Когда трепещетъ брегъ, терзаемый волною,
И сорванный съ лѣсовъ крутится клубомъ листъ!
Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
Съ лѣсистой крутизны ревущій водопадъ,
Рѣка, блестящая средь дебрей величаво,
Кристалломъ отразивъ на брегѣ пышный градъ,
И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь Тому, чей бурь звучнѣйшій гласъ
Велитъ — и зыбь горой! велитъ — и зыбь равнина!
Вы, злаки, вы, цвѣты, лети къ Нему отъ васъ
Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье:
Онъ далъ вамъ ароматъ, Онъ васъ кропитъ росой,
Изъ радужныхъ лучей соткалъ вамъ одѣянье!
Предъ Нимъ утихни, долъ! поникни, боръ, главой!
И, жатва, трепещи на нивѣ оживленной,
Плѣняя шорохомъ мечтателя своимъ,
Когда онъ, при лунѣ, вдоль рощи осребренной,
Идетъ, задумчивый, и тѣнь во слѣдъ за нимъ!
Луна, по облакамъ разлей струи злат[ы]я,
Когда и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ спятъ!

Созвѣздій ликъ, сіяй средь тверди голубыя,
Когда струнами лиръ превыспреннихъ звучатъ
Воспламененные любовью Серафимы!
И ты, свѣтило дня, смиритель бурныхъ тучь,
Будь щедростію ликъ Творца боготворимый!
Ему живописуй хвалу твой каждый лучь!...
Се громъ!... Владыки гласъ!... безмолвствуй, міръ смятенный!
Внуши!... изъ края въ край по тучамъ гулъ гремитъ!
Разрушена скала! дымится дубъ сраженный!
И гимнъ торжественный чрезъ дебри въ даль паритъ!...
Утихъ!... красуйся, лугъ!.... привѣтственное пѣнье,
Изникни изъ лѣсовъ! и ты, любовь весны —
Лишь полночь принесетъ пернатымъ усыпленье,
И тихій отъ холма возстанетъ рогъ луны —
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Филомела!
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ Ангеловъ безсмертнаго удѣла,
Сочти безчисленны созданья чудеса,
И въ горнее пари, хвалой воспламененный!
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ небесамъ!
Да грады возшумятъ, мольбами оглашенны!
Да въ храмахъ съ олтарей возстанетъ ѳиміамъ!
Да грянутъ съ звономъ лиръ и съ ликами органы!
Да въ селахъ, по горамъ и въ сумракѣ лѣсовъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ тимпаны,

И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Единъ составятъ гимнъ и гулъ отгрянетъ: слава!
Будь, каждый звукъ, хвала! будь, каждый холмъ, олтарь!
Будь храмомъ, каждая тѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ природы Царь
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ Серафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть вѣтвей древесныхъ зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льётъ!

А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О Неиспытанный! мой пламень предъ Тобою!
Кудабъ ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ кругу, —
Тебя, и въ знойный день, покрытый рощи тѣнью,
И въ ночь, задумчивый потока на брегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Кудабъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ,
И въ часъ торжественный полночнаго видѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ перстамъ,
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣснопѣнья —

Тебя велю искать и сердцу и очамъ!
Постигнешь ли меня гоненія рукою —
Тебяжъ благословитъ тоски молящій гласъ!
Тебя же обрѣту подъ грозной жизни мглою!
Ахъ! скороль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣденія тѣнь!
Откройся, тайный брегъ, утраченныхъ обитель!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Элегія.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Элегія.

(Посвящена Андрею Ивановичу Тургеневу).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ покойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ;
Повсюду тишина! повсюду мертвый сонъ!
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ!

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Сей башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

*

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, шумятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
На вѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье —
Ничто не воззоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И чада нѣжныя, приходъ ихъ упреждая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ;
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогова дѣламъ:

На всѣхъ ярится смерть — Царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная . . . и нѣкогда найдетъ!
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величія ко гробу насъ ведетъ!

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны!
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть имъ олтарей не мыслитъ воздвигать!

Вотще надъ мертвыми истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами —
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою!
Надменный мавзолей лишь перстъ ихъ бременитъ!

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою Нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой!
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Бышь можешъ, пылью сей покрышъ Гампденъ надменный,
Защишникъ сельскихъ правъ, пиранспва смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный;
Или Мильшонъ нѣмый, безъ славы скрышый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, форшуну презирать,
Дабы обилія на смершныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признашельныхъ дѣла свои чишать —

Сего имъ не далъ рокъ! но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблесшями ихъ кругъ тѣсный положилъ!
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И бышь жестокими къ страдальцамъ запретилъ;

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И раболѣпствуя, на жершвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать!

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей.

И днесь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою —
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью, и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, на вѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ!

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный!
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой!
И къ гробу твоему тоскою заведенный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
,,Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить!

„Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

„Не рѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами —
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей!

„Прискорбный, сумрачный, съ главою преклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить!

„Взошла заря — увы! съ зарей онъ не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Взошла заря опять — нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ — искалъ — не находилъ.

„На утро пѣніе мы слышимъ гробовое . . . .
Несчастнаго несутъ въ могилу положить!
Приближься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить!“

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ!
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою —
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ!
Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ только могъ — слезою!
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ!

*

Прохожій, удались! во гробѣ сонъ священный!
Судьба почившихъ въ немъ покрыта грозной мглой!
Надежда робкая живитъ ихъ пепелъ плѣнный!...
Кто знаетъ, что насъ ждетъ за гробовой доской!

МОЯ БОГИНЯ.

МОЯ БОГИНЯ.

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣзднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой Мудрости,
Учеными, строгими!
Но свѣжей гирляндою
Вѣнчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову,
Богиню-Фантазію.

Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго,
Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подъ часъ утѣшается
Отъ скуки безсмертія;
Лелѣя съ усмѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ:
Богинею - радостью!
То въ утреннемъ вѣяньи
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію
На цвѣтъ - незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваяся въ листики,

Пьетъ росу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ унынiе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ
И смотритъ въ мечтанiи
На море пустынное,
И любитъ прислушивать,
Какъ волны плескаются,
О камни дробимыя,
И внемлетъ задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣнолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера
(Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ,
И, сливши дрожащiй лучь
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и долъ
Туманнымъ сiянiемъ)

Играетъ съ Наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шопота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми;
Иль съ сонмами геніевъ
Воздушною цѣпію
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима, видима,
По облакамъ носится
И, къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины трепещущей.

Прославимъ Создателя
Могущаго, древняго,
Зевеса, пославшаго
Намъ радость - Фантазію!
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямыя — лучь молніи,
Онъ далъ намъ въ ней счастіе,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,
Красой вѣчно - юную,
И съ нею насъ цѣпію
Сопрягъ нераздѣльною!
,,Да будешь, сказалъ онъ ей —
И въ счастьи, и въ горести,
Имъ вѣрная спутница,
Утѣха, прибѣжище!“

Другія творенія,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалями смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ

Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью!...
Онъ далъ намъ сопутницу,
Игривую, нѣжную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дщерь свою
Богиню-Фантазію!
Ласкайте прелестную;
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ;
Пускай почитается
Надъ вами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтобъ вотчину старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками!

Я знаю сестру ея
Степенную, тихую!...
Мой другъ утѣшительной!
Тогда лишь простись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучь жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество,
И силу дающая,
Надежда отрадная!...

СЧАСТІЕ.

СЧАСТІЕ.

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ!
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца!
Великій, божественный жребій счастливца постигнулъ!
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ!
Любимецъ Хариты, плѣняетъ, труда не пріемля!
Великимъ да будетъ, кто, собственной силы созданье,
Душею превыше и тайныя Парки и Рока!
Но счастье и Грацій улыбка не силѣ подвластны!
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ
нисходитъ!
Какъ сердце любовницы, полное тайныя страсти,
Такъ всѣ громовержца дары не подкупны! Единый

Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эрота и Зевса!
И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу!
Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго полный,
И волны власовъ, отѣнившихъ чело и ланиты!
Веселому чувствовать радость! слѣпымъ, а не зрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ!
Имъ милъ простоты непорочныя дѣвственный образъ!
И въ скромномъ сосудѣ небесное любитъ скрываться!
Презрѣньемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ;
Свободные, силѣ и гласу мольбы не подвластны.
Лишь къ избраннымъ съ неба орлу - громоносцу Кроніонъ
Велитъ ниспускаться — да мчитъ ихъ въ обитель Олимпа!
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣтивъ любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою пристрастной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной повязку!
Лишь имъ предлетитъ звучащій на арфѣ сразитель Пиѳона,
Лишь имъ и Эротъ златокрылый, сердецъ повелитель!
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря къ брегу,
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гонимыхъ, изъемлетъ.

Надъ всемъ красота повелитель рожденный! подобіе
Бога,
Единымъ спокойнымъ явленьемъ она побѣждаетъ!
Не сѣтуй, что боги счастливца некупленнымъ лавромъ
вѣнчаютъ,
Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровенный Кипридой,
Исходитъ безвредно изъ битвы, летя насладиться
любовью!
И менѣе ль славы Ахиллу, что онъ ополченъ невредимымъ
Щитомъ, искованьемъ Гефестова дивнаго млата,
Что смертный единый все древнее небо въ смятенье
приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ въ союзѣ!
Что, гнѣвомъ его распаленны, любимцу во славу,
Гелленовъ избраннѣйшихъ въ бездну Тенара низводятъ!
Пусть будетъ красою краса—не завидуй, что прелесть
ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой!
Пусть будетъ блаженна, плѣняя! плѣняйся — тебѣ
наслажденье!
Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на избранныхъ
сходитъ!
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невидимой арфы
наполненъ;
Скрывающій Бога въ душѣ, претворенъ и для внемлю-
щихъ въ Бога!

*

Онъ счастливъ собою — ты, имъ наслаждаясь,
блаженствуй!
Пускай предъ зерцаломъ Θемиды вѣнокъ отдается
заслугѣ,
Но радость лишь боги на смертное око низводятъ!
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и счастливца!
Все смертное прежде родится, ростетъ, созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Крономъ,
Но счастія мы и красы въ созрѣваньи не видимъ!
Отъ вѣка онѣ совершенны во всемъ совершенствѣ
созданья!
Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде
небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ обителей моря!
Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и шеломъ
ополченна,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца
родится.

ТЕОНЪ

и

ЭСХИНЪ.

Т Е О Н Ъ

И

Э С Х И Н Ъ.

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость!...

Все тѣжъ берега и поля и холмы!
И то же прекрасное небо!
Но гдѣжъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ —
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовой блескъ,
И мирты окрестны алѣли;

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не въ дали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкой ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море —
Вдругъ видитъ Эсхина, и въ мигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!"
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина,

И взглядъ на него любопытный вперилъ —
Лице его скорбно и мрачно;
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ —
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ!
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель!

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не тужель судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ? —

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ . . .
„Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна!

„О нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство!

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше!
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—

„Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта!
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ!
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала!

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли!

„Увы! я любилъ . . . . и ее уже нѣтъ!
Но счастье, въ двоемъ столь живое,
На вѣкиль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

*

„О нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ!
Для сердца прошедшее вѣчно!
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь!
Надъ сердцемъ утрата безсильна!

„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ!
Уже одинокимъ не будетъ!...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же! все *ею* онъ полонъ!

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился въ двоемъ —
Сихъ узъ не разрушитъ могила!

„Сей мыслью высокой украшена жизнь!
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье!

„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни!
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры!

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна!
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душею!

„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ....
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель
Что лучшее жизни еще въ переди,
Что *вѣрно* желанное будетъ!

„Сей гробъ затворенная къ счастію дверь!
    Отворится. . . . жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
    На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

„О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
    Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
    Ты жизнь презирать научился!

„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ!
    Дай руку! близь вѣрнаго друга,
Съ Природой и жизнью опять примирись!
    О! вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ!
    Все въ жизни къ великому средство!
И горесть и радость—все къ цѣли одной!
    Хвала жизнодавцу-Зевесу!“

МОЛИТВА
РУСКАГО НАРОДА.

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю —
Все ниспошли!

КЪ ДЕЛІЮ.

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
И въ счастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ!
Хотябъ забoты насъ томили,
Хотябъ Токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили —
Умремъ! такъ Діемъ суждено!
Несижъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвій сплетаютъ кровъ,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой,
Среди излучистыхъ бреговъ,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышущія мигъ!

О Делій! годы невозвратны!
Играй — пока нить дней твоихъ
У черной Парки подъ перстами!
Ударитъ часъ — всему конецъ!
Тогда, прости и лугъ съ стадами,
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье!
Играй!. таковъ есть мой совѣтъ!
Не годы жизнь, а наслажденье!
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ!
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ, токомъ
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ;
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но *нежданый* другъ!

КЪ К. М. С....ой.

Протекшихъ радостей уже не воротить!
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье!
Ужели все мечта? напрасноль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ нѣтъ! мой милый другъ, не будемъ безнадежны!
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный!
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ!
Незримая Рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями!
Блаженство наша *цѣль*; *когда* мы къ ней придемъ—
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но раноль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ Небо одарило!

СТИХИ,

ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. Ѳ. С...ой.

О! вы, которые, въ молитвахъ и слезахъ,
Тѣснились вкругъ моей страдальческой постели,
Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли,
О дѣти, о друзья! на мой спокойный прахъ
Придите усладить разлуку утѣшеньемъ!
Въ семъ гробѣ тишина; мой спящій взоръ закрытъ;
Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни мученьемъ,
И жизни тяжкій крестъ меня не бременитъ.
Спокойтесь, зря мою послѣднюю обитель;
Да мой достигнетъ къ вамъ изъ гроба тихій гласъ,
Да будетъ онъ моимъ любезнымъ утѣшитель!
Открыто мнѣ теперь все, тайное для васъ!

*

Спремитесь мнѣ во слѣдъ съ сердечнымъ упованьемъ,
Хранимы Промысла невидимой рукой:
Онъ съ жизнью насъ миритъ безсмертья воздаяньемъ!
За гробомъ, милые, вы свидитесь со мной!

КЪ ТУРГЕНЕВУ

ВЪ ОТВѢТЪ НА СТИХИ, ПРИСЛАННЫЕ ИМЪ ВМѢСТО ПИСЬМА:

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!

Въ день счастья вспомнишь о тебѣ!
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ повѣрять судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когдабъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась,
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась —
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!
Нѣтъ! нѣтъ! мой братъ, мой другъ-хранитель,
Воспоминаніемъ инымъ
Плачу тебѣ! я вѣчно съ нимъ!
Оно мой вѣрный утѣшитель!
Во дни печали ты со мной!
И ободряемый тобой,

Еще я жизнь не презираю!
О! чтобы ни было — я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
Куда любовь свою принесть,
И гдѣ любовь не измѣнится,
И гдѣ нѣжнѣйшее хранится
Участіе въ судьбѣ моей!
Дождусь иль нѣтъ счастливыхъ дней —
О томъ, мой милый другъ, ни слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ —
Все ты мнѣ спутникомъ-вождемъ!
Со мной до камня гробовова,
Не измѣняяся, иди!
Одна мольба: не упреди!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(Въ альбомъ В. А. Азбукину.)

Любовь, надежда и терпѣнье!
На жизнь порядочный запасъ!
Впередъ безъ страха! въ доброй часъ!
За все порука Провидѣнье!

Блаженъ, кому *Любовь* во слѣдъ!
Она въ веселье жизнь вливаетъ,
И счастья радугу являетъ
На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла —
Бездушенъ, хладенъ, тихъ Мемнонъ;
Заря взошла — и дышетъ онъ!
И радость въ мраморѣ взыграла!

Таковъ *Любви* волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель!
Любви нѣтъ въ сердцѣ — жизни нѣтъ!

Надежда съ чашею отрады
Намъ добрый спутникъ — вѣрь! но знай,
Что не земля, а небо рай!
Вѣрнѣй быть добрымъ безъ награды!

Когдажъ *Надежда* улетитъ,
Взгляни на тихое *Терпѣнье*!
Она утѣхи обольщенье
Прямою силой замѣнитъ!

Лишь бы сокровище святое,
Доброта сохранилась намъ!
Достоинъ будь — а небесамъ
Оставь на волю остальное!

ДРУЖБА.

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на прахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый....
О Дружба! это ты.

НА СМЕРТЬ

СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

Едва съ младенчествомъ разсталась!
Едва для жизни разцвѣла!
Какъ непорочность улыбалась,
И Ангелъ красотой была!
Въ душѣ ея, какъ утро ясной,
Уже раждался чувства жаръ....
Но Жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилѣ приготовилъ въ даръ!
И дни Творцу она вручила;
И взоры тихіе закрыла,
Не сѣтуя на смертный часъ.
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ!
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный Филомелы гласъ.

ИДИЛЛІЯ.

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла въ селѣ *дѣвичьей красотой*
И кудри свѣтлыя цвѣтами убирала,
Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моей,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ Алины!
Теперь!.... теперь прости, души моей покой!
Алина гордая столицы украшенье!
Увы! окружена ласкателей толпой;
За лесть ихъ отдала любви боготворенье;

*

За пышный злата блескъ душистые цвѣты!
Свирѣли тихій звукъ Алину не прельщаетъ;
Алина предпочла блаженству суеты;
Собою занята, меня въ лице не знаетъ!

КЪ ФИЛОНУ.

Блаженъ, о Филонъ, кто Харитамъ богинямъ жертвы приноситъ!
Какъ свѣтлые дни легкокрылаго Мая въ блескѣ весеннемъ,
Какъ волны ручья, озаренны улыбкой юнаго утра,
Дни его легкимъ полетомъ летятъ!

И полный фіялъ, освященный устами дѣвъ полногрудыхъ,
И лира, въ кругу окриляемыхъ пляской фавновъ звѣняща,
Да будутъ отъ насъ, до нисхода въ предѣлы тайнаго міра,
Граціямъ, дѣвамъ стыдливости даръ!

И горе тому, кто Харитамъ противенъ! низкія
мысли
Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу; богъ
пѣснопѣнья
И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуютъ; напрасно лиру
онъ строитъ:
Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ!

УЕДИНЕНІЕ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Дружись съ *Уединеньемъ*!
Изнѣженъ наслажденьемъ,
Сынъ свѣта незнакомъ
Съ симъ добрымъ божествомъ,
Ни труженикъ унылый,
Безмолвный рабъ могилы,
Презрѣвшій Божій свѣтъ
Степной Анахоретъ!
Ужаснымъ привидѣньемъ
Предъ ихъ воображеньемъ
Является оно:
Какъ тьмой облечено
Одеждою печальной
И къ урнѣ погребальной

Поникшее челомъ,
И въ сумракѣ кругомъ,
Объяпъ безмолвной думой,
Совѣпъ его угрюмой:
Съ полпой видѣній *Страхъ*,
Унылое *Молчанье*,
И мрачное *Мечтанье*
Съ безуміемъ въ очахъ,
И душъ холодныхъ мука,
Губипель жизни *Скука*!...
О! видъ совсѣмъ иной
Для пѣхъ оно пріемлепъ,
Кпо зову сердца внемлепъ,
И съ мирною душой,
Младенецъ простопой,
Въ слѣдъ Промысла спремипся,
Ни свѣпа, ни людей
Угрюмо не дичипся,
Но счаспья жизни сей
Опъ нихъ не ожидаепъ,
А въ сердцѣ заключаепъ
Прямой испочникъ благъ.
Съ улыбкой на успахъ,
На дружеспвенномъ лонѣ
Подруги - *Тишины*,
Въ сіяніи весны,

Простертая на тронѣ
Изъ лилій молодыхъ,
Какъ райское видѣнье,
Себя являетъ ихъ
Очамъ *Уединенье*!
Въ близи подъ сѣнью миртъ
Кружится рой *Харитъ*,
И пляску соглашаетъ
Съ струнами *Аонидъ*;
Смотря на нихъ, смягчаетъ
Наука строгій видъ;
При ней сынъ размышленья
Съ веселымъ взглядомъ *Трудъ* —
Въ рукѣ его сосудъ
Счастливаго забвенья
Сразившихъ душу бѣдъ,
И радостей минувшихъ,
И сердце обманувшихъ
Разрушенныхъ надеждъ;
Тамъ зрится *Отдыхъ* ясный,
Труда веселый другъ,
И сладостный *Досугъ*,
И три сестры, прекрасны
Какъ юная весна:
Вчера - воспоминанье,
И *Нынѣ* - тишина,

И *Завтра* - упованье;
Сидятъ рука съ рукой,
Та съ розой облетѣлой,
Та съ розою младой,
А та, мечтой веселой
Стремяся къ небесамъ,
Въ ихъ тайну проникаетъ,
И радуясь, сливаетъ
Невѣдомое намъ
Въ магическое *тамъ*!

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

БАСНЬ.

Однажды доброму Могольцу снился сонъ,
Ужь подлинно чудесной:
Вдругъ видитъ, будто онъ,
Какой-то силой неизвѣстной,
Въ обитель вознесенъ Всевышняго Царя,
И тамъ — подумайте! — находитъ Визиря.
Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Когожъ — прошу сказать! — узналъ онъ въ адской мглѣ?
Дервиша? Да! Дервишъ, служитель Орозмада,
Въ котлѣ,
Въ клокочущей смолѣ
На ужинъ дьяволамъ варился.
Моголецъ въ страхѣ пробудился;
Скорѣй бѣжать за колдуномъ;

Поклоны въ поясъ; бьетъ челомъ;
— Отецъ мой! изъясни чудесное видѣнье! —
,,Твой сонъ есть Божій гласъ!—колдунъ ему въ отвѣтъ—
Визирь въ раю за то, что въ области суетъ,
Средь пышнаго двора, любилъ уединенье!
Дервишужъ по дѣломъ! не будь онъ суесвятъ!
Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ!
Не думай къ Визирямъ ходить на поклоненье!"

Когдабъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова,
Тогда, не цѣля въ даль, просилъ бы объ одномъ:
Друзья! любите сѣнь родительскаго крова!
Гдѣжъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?
О блага чистыя! о сладкій даръ Природы!
Гдѣ вы, мои поля? Гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я разцвѣлъ въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья! когда увижу васъ?
Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
О! кто мнѣ возвратитъ родимыя долины!
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?

При нихъ мои часы весельемъ окриленны!
Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ
И выспреннихъ свѣтилъ стези неоткровенны.
Когдажъ не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ:
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ,
Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ!
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихій токъ!
Нить жизни моея совьется не изъ злата;
Мой низокъ будетъ кровъ, постеля не богата;
Но меньшель бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ?
И меньшель онъ души невинной услажденье?
Ему преобращу мою пустыню въ храмъ!
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ —
Мой вѣкъ былъ тихій день, а смерть успокоенье!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

КЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

....

Надежда сердцемъ живъ въ вѣкахъ,
Надежда сладкая — она не заблужденье!
Пускай покроетъ лиру прахъ —
Въ семъ прахѣ не умолкнетъ пѣнье
Душой безсмертной полныхъ струнъ!
Нашъ геній будетъ, вѣчно-юнъ,
Паритъ надъ дряхлыми племенъ и царствъ гробами!
И будетъ пламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благости и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній!
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать!
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать
Надъ нашею съ землей сравнявшейся могилой —

Что счастіемъ для насъ въ минутной жизни было,
То будетъ счастіемъ для близкихъ намъ сердецъ
И долго послѣ насъ! Грядущихъ лѣтъ пѣвецъ
Отъ лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю Промысла, смирясь, благословитъ;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послышавъ, бранью,
И праздный мечь сожметъ нетерпѣливой дланью!...
Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
И вѣки ужь надъ нимъ толпою пролетѣли!
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли!
И, мнится, не забылъ ихъ звука тотъ потокъ
Съ одушевленными струями,
Надъ коимъ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися древеса.
Тамъ, подъ вечеръ, когда невидимо роса
Съ роскошной свѣжестью на землю упадаетъ,
И мирты спящіе Селена осребряетъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ пролетаетъ
По зыбкому зерцалу водъ!
Не рѣдко, въ тихій часъ, какъ солнце на закатѣ
Ліетъ румяный блескъ на море въ далекѣ,

И мирты темные дрожатъ при вѣтеркѣ,
        На яркомъ отражаясь златѣ —
Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,
И вѣтерокъ, и струй журчанье утихаетъ —
        Какъ бы незримый Аполлонъ
        Полетомъ легкимъ пролетаетъ —
И путникъ, погруженъ въ унылость, слышитъ гласъ:
        ,,О смертный! жизнь стрѣлою мчится!
        Лови, лови летящій часъ!
        Онъ, улетѣвъ, не возвратится!"

ЭПИМЕСИДЪ.

ЭПИМЕСИДЪ.

„О жребій смертнаго унылый!
Твой путь — Зевесъ ему сказалъ —
Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ!
Его уноситъ быстро время;
Врага въ прошедшемъ видитъ онъ;
Влачитъ заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осуждёнъ;
А счастья будущаго сонъ
Все далѣ, далѣ улетаетъ,
И въ гробѣ съ жизнью исчезаетъ!
И пусть случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной —
То въ безднѣ лучъ уединенной:

Онъ только бездну озаритъ!
О ты, который самовластно
Даришь насъ жизнію ужасной,
Зевесъ, къ тебѣ взываю я!
Пошли мнѣ даръ небытія!"

Въ странѣ, забвенной отъ Природы,
Гдѣ мертвый разрушенья видъ,
Гдѣ съ ревомъ бьютъ въ утесы воды,
Такъ говорилъ Эпимесидъ.
Угрюмый, страшныхъ мыслей полный,
Онъ пробѣгалъ очами волны,
Онъ въ бездну броситься готовъ....
И грянулъ гласъ изъ облаковъ:
„Узнай, хулитель Провидѣнья!
Богамъ любезенъ человѣкъ!
Но благъ источникъ наслажденья!
Отринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви Творца роптаньемъ!"
Эпимесидъ простерся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ упованьемъ,
Съ благословѣньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутова.
Два мѣсяца не протекли —
На берегъ онъ приходитъ снова.
„О небеса! вы отвели

Меня отъ страшной сей пучины!
Хвала вамъ! тайный перстъ судьбины
Уже мнѣ друга указалъ!
О! сколь безумно я роптâлъ!
Не дремлютъ очи Провидѣнья!
И часто посреди волненья
Оно являетъ пристань намъ!
Мы живы подъ Его рукою!
И смертный не къ однѣмъ бѣдамъ
Приходитъ трудною стезёю!"
Умолкъ — и видитъ: не въ дали
Цвѣтетъ у брега миртъ зеленый,
На брата юнаго склоненный —
И бури вѣтви ихъ сплели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Ликъ *Дружбы* въ честь благимъ богамъ.

Проходитъ годъ — опять онъ тамъ!
Во взорахъ счастіе пылаетъ;
Гименовъ на челѣ вѣнокъ.
„И я винилъ въ безумствѣ рокъ!
И я терялъ къ безсмертнымъ вѣру!
Они послали мнѣ Глисеру!
Люблю! о сладкій жизни даръ!
О! какъ могу передъ богами
Излить благодаренья жаръ!"

Онъ палъ на землю со слезами;
Потомъ подъ юными древами,
Гдѣ *Дружбы* ликъ священный былъ,
Любви олтарь соорудилъ.

Свершился годъ — съ лучемъ Авроры
Опять притекъ онъ на утесъ,
И свѣтлые сіяли взоры
Святымъ спокойствіемъ небесъ.
,,Хвала вамъ, боги! вашей властью
Узналъ въ любви и въ дружбѣ я
Всѣ наслажденья бытія;
Но вы открыли путь ко счастью!
Погибель дерзостнымъ хуламъ,
Произнесеннымъ въ изступленьѣ!
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье —
Но можемъ быть равны богамъ!"
И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помостъ изъ дерна и цвѣтовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью,
Гдѣ былъ олтарь сооруженъ . . . .
И на простомъ фронтонѣ онъ
Изобразилъ: *Благотворенью!*

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА

или

СИЛА ГАРМОНІИ.

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА

или

СИЛА ГАРМОНІИ.

По страшной битвѣ той, гдѣ Царь Персиды палъ,
Оставя рать, вѣнецъ и жизнь въ кровавомъ полѣ,
Возвышенъ возсѣдалъ,
Въ сіяньи на престолѣ,
Красою богъ, Филиповъ сынъ.
Окрестъ — вождей и ратныхъ чинъ;
Вѣнцами розъ главы увиты —
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани знаменитый! —
Таиса близъ Царя сѣдитъ,
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза юный цвѣтъ ланитъ,
И полонъ страсти взоръ стыдливой.

Bayerische Staatsbibliothek München

Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!

И зрѣлся Ѳимоѳей среди поющихъ клира;
Летали персты по струнамъ;
Какъ вихорь мощный звонъ стремился къ небесамъ;
Звучала радостію лира.

Отъ Зевса пѣснь ведетъ пѣвецъ:
О власть любви! отъ горня трона,
Покинувъ громъ, боговъ отецъ,
Подъ дивнымъ образомъ дракона,
Нисходитъ въ міръ; дугой віетъ
Огнечешуйчатый хребетъ;
Въ немъ страсти пышетъ вожделѣнье;
Къ Олимпіи летитъ, къ грудямъ ея приникъ;
Обвилъ три-краты станъ — и се Зевесовъ ликъ!
Се новый Царь землѣ! се грознаго рожденье!

И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличъ шумный: Бога зримъ! И старъ и младъ воспрянулъ!
И звучно: Бога зримъ! по сводамъ отзывъ грянулъ.

Царь славой упоенъ;
Зритъ звѣзды подъ стопою;
И мыслитъ: онъ Зевесъ!
И движетъ онъ главою,
И мнитъ — подвигнулъ сводъ небесъ!

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
Грядетъ, грядетъ веселій богъ!
Всегда прелестный, вѣчно-юный!
Звяцай, кимвалъ! раздайся, рогъ!
Се Бахусъ свѣтлый, сановитый!
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты!
Звучи, труба! грядетъ! грядетъ!
Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьетъ;
Киштъ въ ней пламень сладострастный;
Пей, воинъ! даръ тебѣ сосудъ!
О Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ!

И Царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ рати къ бою!
Три-краты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Три-краты плѣнный ринутъ въ плѣнъ!

*

Пѣвецъ зритъ гнѣва пробужденье
Въ сверканіи очей, во пламени ланитъ;
И небу и землѣ грозящу ярость зритъ. . . .
Онъ струны укротилъ; ихъ заунывно пѣнье;
Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ,
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась.

Онъ Дарія поетъ: Царь добрый! Царь великій!
Кто равенъ съ нимъ? . . . Но Рокъ свой грозный судъ
послалъ!
Онъ палъ! онъ страшно палъ!
Нѣтъ Дарія-владыки!
Въ кипящей зыблется крови;
Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ;
Нѣтъ въ мірѣ для него любви;
Хладѣетъ на песчаномъ полѣ;
Гдѣ другъ — глаза ему смѣжитъ,
И прахомъ сирую главу его покрытъ?

Сидѣлъ герой съ поникшими очами;
Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ
Стези судьбы, играющей Царями;
За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ,
И пролилась печаль его слезами.

И дивный пѣснопѣвецъ зритъ,
Что жаръ любви уже горитъ
Въ душѣ, вкусившей сожалѣнья,
И пѣснь взыгралъ онъ наслажденья:
Проснись, Лидійскій брачный гласъ!
Проникни душу, пламень сладкой!
О витязь! жизнь крылатый часъ;
Мы радость ловимъ здѣсь украдкой!
Летучей пѣны клубъ златой,
Надутый пышно и пустой,
Вотъ честь, надменныхъ душъ ловитва!
Народамъ казнь за славу битва!
Спѣши быть счастливъ, богъ земной!
Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой!
Къ тебѣ ласкается очами;
Въ груди желанья тайный жаръ,
И дышетъ страсть ея устами!
Вкуси любовь - безсмертныхъ даръ!

Возсталъ отъ сонма кличь и своды возстенали:
,,Хвала и честь любви! пѣвцу хвала и честь!"
И полонъ сладостной печали,
Очей не можетъ Царь задумчивыхъ отвесть
Отъ дѣвы, страстью распаленной;
Блаженъ своей тоской; что взглядъ, то нѣжный вздохъ;

Горитъ и гаснетъ взоръ, желаньемъ напоенной,
И, томный, палъ на грудь Таисы полубогъ!

Но струны грянули подъ сильными перстами!
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ падшій громъ!
Звучнѣй! звучнѣй! воспрянулъ Царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ нѣги сладкій сонъ;
Исчезла прелесть вожделѣнья,
И слухъ его разитъ тяжелый, дикій стонъ:
Сынъ брани, мщенья! мщенья!
Возникла ярость Эвменидъ!
Се дѣвы казни! страшный видъ!
Смотри! смотри! межъ ихъ власами
Зіяютъ пасти грозныхъ змѣй!
Шипятъ! свистятъ! свились хребтами!
Льютъ искры изъ очей!...
Но что? тамъ блѣдныхъ тѣней лики!
Воздушный полкъ на облакахъ!
Се мчатся! свѣточи въ рукахъ!
Ихъ грозенъ видъ! ихъ взоры дики!
То витязи твои!... Сраженнымъ въ битвѣ нѣтъ
Послѣдней дани погребенья!
Пустынный вранъ ихъ трупы рветъ,
И воютъ: мщенья! мщенья!

Бѣжитъ отъ ихъ огней пожаръ по небесамъ!
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещутъ!
Туда погибель мещутъ!
Къ мечамъ! бойницы въ прахъ! огню и домъ и храмъ!...

И сонмы всколебались къ брани;
На щитъ и мечь упали длани;
И Царь погибельный свѣтильникъ воспалилъ.
О горе, Персеполь! грядетъ владыка силъ!
Таиса вождь герою;
Елена новая, зажжетъ другую Трою!

Такъ древней лиры гласъ — когда еще молчалъ
Органа мѣхъ чудесный —
Перстамъ послушенъ, оживлялъ
Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства жаръ прелестный!
Но днесь другую жизнь гармоніи дала
Сесилія, творецъ органа.
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Протяжность съ быстротой, звонъ лиры, громъ тимпана
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ. О древнихъ лѣтъ пѣвецъ!
Клади къ ея стопамъ заслугъ твоихъ вѣнецъ!....

Но нѣтъ! вы равны вдохновеньемъ!
Имъ смертный къ небу вознесенъ;
На землю Ангелъ низведенъ
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ!

БИБЛІЯ.

Б И Б Л І Я.

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ Евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ, —
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ!
Такъ! тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана
Живетъ восторгъ! туда, туда спѣши, пѣвецъ!
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
И Мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ!...
И слова дивнаго прекрасное рожденье,
Се первый человѣкъ! Вкусилъ минутный сонъ —

*

Подругу сладкое даруетъ пробужденье!
Уже съ невинностью блаженство тратитъ онъ!
Поверженъ праведникъ — о грозный Богъ! о мщенье!
Се воды хлынули .... земли преступной нѣтъ!
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ Надеждою таится юный свѣтъ!
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенныхъ,
Іаковъ, Авраамъ! восторженный мой взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумящихъ стадъ!
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ!
Сколь на востокѣ намъ вашъ славный слѣдъ сіяетъ!...
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной? . . .
Но сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нила!
Напрасно злобы сѣть невинному грозила!
Живъ Богъ — и онъ спасенъ! о! сладкія съ тобой,
Прелестный юноша, мы слезы проливали!
И нѣтъ тебя .... увы! на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ... но небеса склонились къ ихъ печали!
Кто ты, спокойное дитя средь шумныхъ волнъ?
Онъ! онъ! Евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель!
Спѣши, о дщерь Царей, спасай чудесный челнъ!
Да не дерзнетъ къ нему приближиться губитель —
Въ сей колыбели скрытъ Израиля предѣлъ!

Раздвинься, море! . . . пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхѣ зрѣлъ?
Не на твоюль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Рекуль — и дивный столпъ, въ день мрачный, въ ночь
горящій,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее незапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ руки Сампсона храмъ дрожащій,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила? . . .
Но что! рука Судей Израиль утомила!
Неблагодарнымъ въ казнь, Царей послалъ Творецъ!
Саулъ помазанъ — палъ — и пастырю вѣнецъ!
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ!
Гдѣ вы, левиты? Ждетъ божественный строитель!
Стеклись! . . . о торжество! храмъ вѣчный заложенъ!
Но что! ужь десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ! . . .
Падите, идолы! разсыптесь въ прахъ, божницы!
Се въ блескѣ Илія на небо воспарилъ! . . .
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ! . . .
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы!
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ —
И въ часъ показанный народы исчезаютъ!

Увы, Сидонъ! на вѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!...
Какіе вопли токъ Евфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ брегахъ,
Іуда, ободрись! восходитъ день спасенья!
Смотри! сія рука, сразитель преступленья,
Несетъ тирану казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ!
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами!
Се Ездра, Маккавей съ могущими сынами!
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пеленахъ!

АББАДОНА.

АББАДОНА.

Сумрачень, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадона; печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ; грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна; онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомъ, ужъ почти улетѣлъ отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ гремя и блистая;

Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло
небо!
Съ шумомъ помчалися рати мечтой божества упоенныхъ —
Ахъ, Аббадона! бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви
Абдіила;
Тьмой божества отуманенъ, взоровъ молящихъ не
видитъ!
Другъ позабытъ; въ торжествѣ онъ къ полкамъ Сатаны
возвратился.
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мысляхъ
всю повѣсть
Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ
созданья!
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ восторгѣ
рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, Серафимъ, братъ
небесный,
Кто ты? Отколѣ, прекрасный? Давноль существуешь,
и зрѣлъ ли
Прежде меня? О, повѣдай, что мыслишь? Намъ вмѣстѣ
безсмертье!
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью
слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ

Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгласили:
Создатель! —
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны, и воздвигся, нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты — такъ въ битвѣ кровавой другъ друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьи кончины вздыхаютъ —
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
,,Будь на меня вся неистовыхъ злоба! вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ! я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя! ненавижу, убійца! во вѣки
Требуй Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ тобою
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! да вѣчное *горе*!
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, Сатана! я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ! не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!

Бога-Мессію сразить! о ничтожный! о комъ ты
вѣщаешь?
Онъ Всемогущій! а ты пресмыкаешься въ прахѣ,
Гордый невольникъ! пошлетъ ли смертному Богъ
искупленье;
Тлѣналь оковы расторгнуть помыслитъ — тебѣль съ
Нимъ бороться!
Тыль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кто Онъ? Не тыль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства
безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка .... о горе мнѣ! горе!
Я вашъ сообщникъ!... дерзнемъ ли возстать на Подателя
жизни?
Сына Его Громовержца хотимъ умертвить! о безумство!
Сами хотимъ въ слѣпотѣ заградить ко спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами на вѣки надежду
Прежняго счастія, мукъ утоленія мчимся разрушить!
Знай же, сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ
страданьемъ
Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ, столь вѣрно и то, что
сраженный
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ
возвратишься.“

Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огромной
скалою —
Гнѣвъ обезсилилъ грозно подъятую съ камнемъ десницу!
Топнулъ яряся ногой и трикраты онъ бѣшенства
вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ на
Аббадону
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства
ярокъ и мраченъ;
Но презирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ
Аббадона
Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицемъ. Вдругъ
воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.
„Въ вихряхъ и буряхъ хочу отвѣчать тебѣ, робкій!
вѣщалъ онъ.
Гряну грозою отвѣтъ мой безумцу. Ты ли ругаться
Смѣешь богами! ты ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ
безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ Сатану и меня оскорблять
замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни! казнь твоя — мыслей безсильныхъ
ничтожность.
Рабъ, удались! удались, малодушный! прочь отъ
могущихъ!

Прочь отъ жилища Царей! исчезай непримѣтный въ пучинѣ!
Пусть тамъ создастъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель!
Тамъ проклинай безконечность! или, ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи, рабски предъ небомъ простертъ, пресмыкайся!
Ты же, отважный! средь самаго неба нарекшійся Богомъ!
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ!
Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель!
О Сатана, полетимъ! да узрятъ насъ въ могуществѣ духи!
Да поразитъ ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ отважность!
Се лавиринѳы коварства! всѣ намъ пути ихъ отверсты!
Въ мракѣ ихъ смерть! не найдетъ Онъ изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода!
Естьлижъ, наставленный небомъ, разрушитъ Онъ хитрые ковы —
Пламенны бури пошлемъ, и Его не минуетъ погибель.
Горе, земля! мы грядемъ ополченные смертью и адомъ!
Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ возмечтаетъ!"

Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ буря, собранье.
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала;
как будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ кликомъ и
воемъ,
Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися; дикой
Шумъ голосовъ поднялся, и отгрянулъ съ востока на
западъ;
Всѣ возревели: погибни, Мессія! Отъ вѣка созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло; съ Адрамелехомъ
Съ трона потекъ Сатана, и ступени, какъ мѣдныя горы,
Звучно подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ
побѣдѣ,
Ринулись смутной толпой во врата растворенныя ада!

Издали, медленно, слѣдомъ за ними, летѣлъ Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданныхъ страшнаго
дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ Ангеламъ, стражамъ
Эдема,
Робкой подходитъ . . . . кто же тебѣ предстоитъ,
Аббадона?
Онъ! Абдіилъ, непреклонный! нѣкогда другъ твой! . . .
а нынѣ? . . .
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,

То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное бросится хочетъ. Долго стоялъ онъ,
Трепетенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія слезы катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концемъ неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи.... но ахъ! Абдіиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу
Вѣчнаго Бога; егожъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны мірозданья,
Такъ Серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны!
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣвшаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ изъ дали къ Абдіилу:

„О Абдіилъ! мой братъ! или на вѣки меня ты отринулъ?

Такъ! на вѣки я розно съ возлюбленнымъ.... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все творенiе! плачьте вы, чада свѣта!
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны! о! плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ! увяньте вы, тайныя сѣни,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно сливались!
Свѣтлы небесны потоки, близь коихъ, сладко объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣснiю Божiю славу,
Ахъ, замолчите! изсякните! нѣтъ для меня Абдiила!
Нѣтъ! и на вѣки не будетъ! Адъ мой, жилище мученья,
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною! на вѣки
Нѣтъ Абдiила! вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ!"

Такъ тосковалъ Аббадона, стоя предъ входомъ въ созданье!
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы
Встрѣчу ему Орiоновъ летящихъ его устрашили;
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ мiровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
,,Сладостный входъ во блаженство, почто загражденъ Аббадонѣ?
О! для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мiрамъ Вседержителя, вѣчно покинуть

Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада
созданья!
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ
мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу — я былъ васъ прекраснѣй!
Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый
изгнанникъ,
Гнусный, среди красоты міроздаsucceeded. О небо родное!
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство!
Тамъ, ополчившись на Бога, палъ грѣшникъ! о миръ
непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія,
гдѣ ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ созданія славы
Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ! печальный
остатокъ!
Ахъ! для чего я къ Нему не дерзну возгласить: мой
Создатель!
Радостнобъ нѣжное имя Отца уступилъ непорочнымъ!
Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ: Отецъ!
восклицаютъ!
О Судія непреклонный! преступникъ молить не
дерзаетъ,
Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей
пучинѣ!
Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты, безнадежность,

Грозный мучитель, свирѣпствуй!.... почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?... Проклинаю сей день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный созданъ!
Вѣчность! почто родила ты сей день? почто онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
Гнѣвомъ грозы ополченный, Себя облекаетъ? Почто онъ
Не былъ, проклятіемъ Бога гнѣвомъ, обнаженъ отъ созданій?...
Что я изрекъ?... О хулитель! Кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите! вы, звѣзды,
Грянитесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья! О Ты, Судія непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О Судія! Ты Создатель! Отецъ!... что вѣщаю, безумецъ!
Мнѣль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель!

*

Ахъ! улетимъ! ужь воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня.... улетимъ!... но куда?... гдѣ
отрада?"

Рекъ, и ударился быстро во глубь безпредѣльныя бездны...
Горько взывалъ онъ: сожги, уничтожь меня, огнь
разрушитель!
Вопли исчезли въ пустынѣ .... и огнь не припекъ
разрушитель!
Смутный онъ снова помчался къ мірамъ, и приникъ
утомленный
Къ нѣкому пышноблестящему солнцу. Оттолѣ на
бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли какъ
свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солнце заблуждшая въ безднѣ
планета!
Часъ ей насталъ разрушенья.... уже задымилась и рдѣла....
Къ ней полетѣлъ Аббадона, мечтая разрушиться
вкупѣ....
Дымомъ она разлетѣлась, но ахъ!... не погибъ Аббадона!

ВЕЧЕРЪ.

ВЕЧЕРЪ.

Ручей, віющійся по свѣтлому песку,
Коль тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!...
Приди, о Муза благодатна,

Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ, съ цѣвницею златой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей Природы!

Какъ солнца за горой плѣнителенъ закатъ —
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
Багрянымъ блескомъ озаренны;

Когда съ холмовъ злашыхъ спада бѣгупъ къ рѣкѣ
И рева гулъ гремипъ звучнѣе надъ водами;
И, сѣпи склавъ, рыбакъ на легкомъ челнокѣ
Плывепъ у брега межъ кусшами;

Когда пловцы шумяпъ, скликаясь по спругамъ,
И веслами спруи согласно разсѣкаюпъ;
И, плуги обрапшвъ, по глыбиспымъ бороздамъ
Съ полей орапаи съѣзжаюпъ!...

Ужъ вечеръ!...облаковъ померкнули края!
Послѣднiй лучъ зари на башняхъ умираепъ;
Послѣдняя въ рѣкѣ блеспящая спруя
Съ попухшимъ небомъ угасаепъ!

Все пихо! рощи спяпъ! въ окреспносппи покой!
Проспершись на правѣ подъ ивой наклоненной,
Внимаю, какъ журчипъ, сливаяся съ рѣкой,
Попокъ, кусшами осѣненной.

Какъ слитъ съ прохладою растѣній оиміамъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй плесканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно надъ ручьемъ колыщется тростникъ;
Гласъ петела въ дали уснувши будитъ селы;
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
Въ лѣсу стенанье Филомелы!...

Но что!... какой въ дали мелькнулъ волшебный лучь?
Восточныхъ облаковъ хребты воспламенились;
Осыпанъ искрами во тьмѣ журчавшій ключь;
Въ рѣкѣ дубравы отразились!

Луны ущербный ликъ возсталъ изъ-за холмовъ!...
О тихое небесъ задумчивыхъ свѣтило!
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ лѣсовъ!
Какъ блѣдно брегъ ты озлатило!

Сижу, задумавшись! въ душѣ моей мечты!
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ!
О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

Гдѣ вы, мои друзья! вы, спутники мои?
Уже ли никогда не зрѣть соединенья?
Ужель изсякнули всѣхъ радостей струи?...
О вы, погибши наслажденья!

О братья, о друзья! гдѣ вашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и Музамъ и свободѣ?
Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ клятвы, данныя Природѣ,

Хранить съ огнемъ души нетлѣнность братскихъ узъ?
И гдѣ же вы, друзья?... Иль всякъ своей тропою,
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душою,

Тащиться осужденъ до бездны гробовой?...
Одинъ — минутный цвѣтъ — почилъ, и непробудно!
И гробъ безвременный любовь кропитъ слезой!
Другой.... о Небо правосудно!...

А мы?... Ужель дерзнемъ другъ другу чужды быть?
Ужель красавицъ взоръ, иль почестей исканье,
Иль суетная честь пріятнымъ въ свѣтѣ слыть
Заглядятъ въ сердцѣ вспоминанье

О радостяхъ души, о счастьи юныхъ дней,
И дружбѣ, и любви и Музамъ посвященныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ!...

Мнѣ Рокъ судилъ: брести невѣдомой стезёй,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы Природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать!
О пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,

Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И, лиру согласяя съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!

Такъ! пѣть есть мой удѣлъ!... но долголь?... Какъ узнать?...
Ахъ! скоро можетъ быть съ Минваною унылой
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

БАЛЛАДЫ.

Л Ю Д М И Л А.

ЛЮДМИЛА.

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ!
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила!“
Такъ Людмила, приунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
„Возвратится ль онъ — мечтала —
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ,
Съ грозной ратію Славянъ?“

Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты....
Близко, близко ратныхъ строй! —
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны!...
„Возвратились незабвенны!"...
А Людмила?... Ждетъ, пождетъ.
„Тамъ дружину онъ ведетъ!"

„Сладкій часъ — соединенье!"...
Вотъ! проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй....
Гдѣжъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло! друга нѣтъ! —
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томно голову склонила:
„Разступись, моя могила!
Гробъ откройся! полно жить!
Дважды сердцу не любить!" —

„Что съ тобой, моя Людмила?“
Мать со страхомъ возопила.
„О! спокой тебя Творецъ!“
— Милый другъ! всему конецъ!
Что прошло — невозвратимо!
Небо къ намъ неумолимо!
Царь небесный насъ забылъ!
Мнѣль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣжъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ! немилостивъ Творецъ!
Все прости! всему конецъ! —

„О Людмила! грѣхъ роптанье!
Скорбь — Создателя посланье!
Зла Создатель не творитъ!
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ!“
— Ахъ! родная! миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Яль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ! безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей!

*

Рано жизнью насладилась!
Рано жизнь моя затмилась!
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвратятъ ль невозвратимыхъ? —
„Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ!
Кратко жизни сей страданье!
Рай — смиреннымъ воздаянье,
Адъ — бунтующимъ сердцамъ!
Будь послушна небесамъ!“

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ — всюду рай!
Съ милымъ розно — райскій край
Безотрадная обитель!
Нѣтъ! забылъ меня Спаситель! — —
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала....
Вотъ! ужъ солнце за горами;
Вотъ! усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ, и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны....
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ....
Чу!... полночный часъ звучитъ!

Потряслись дубовъ вершины!
Вотъ! повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ....
Скачетъ по полю ѣздокъ!
Борзый конь и ржетъ и пышетъ!
Вдругъ.... идутъ.... Людмила слышитъ,
На чугунное крыльцо....
Тихо брякнуло кольцо....
Тихимъ шопотомъ сказали:
(Всѣ въ ней жилки задрожали!
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ!)

— Спитъ, иль нѣтъ моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань! женихъ тебя зоветъ! —
„Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ!
Знать тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою!
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?“

— Близъ Наревы домъ мой тѣсный!
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ —
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь!
Ты моя! моею будь! . . .
Чу! совы пустынной крики!
Слышишь? Пѣнье, брачны лики!
Слышишь? Борзый конь заржалъ!
Ѣдемъ! ѣдемъ! часъ насталъ! —

„Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ; боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ.“ —
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;
Стихнетъ боръ; луна проглянетъ!
Ѣдемъ: намъ сто верстъ ѣзды!
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья!
Мигъ намъ страшенъ замедлѣнья!
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ! путь далёкъ! —

„Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила;
Слышишь? Колоколъ гудитъ!“
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится! —
„Гдѣжъ, скажи, твой тѣсный домъ?“
— Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный,
Саванъ, крестъ и шесть достокъ.
Ѣдемъ! ѣдемъ! путь далёкъ! — —

Мчатся всадникъ и Людмила!
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Приклонясь къ нему главой;
Скокомъ, лётомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится въ слѣдъ клубами;
Скачутъ мимо ихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

,,Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится!
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшноль, дѣвица, со мной?"
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба! —
,,Чу! въ лѣсу потрясся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и оттшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонёкъ!"
— Близколь, милый? — ,,Путь далёкъ!" —

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней!
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились!
Вотъ! за ними понеслись!
Вотъ! поютъ воздушны лики!
Будто въ листьяхъ павилики
Вьется легкій вѣтерокъ;
Будто плещетъ ручеёкъ!

„Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшноль, дѣвица, со мной?“
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба! —
„Конь, мой конь! бѣжитъ песокъ!
Чую ранній вѣтерокъ!
Конь, мой конь! быстрѣе мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ!
Конь, мой конь! кричитъ пѣтухъ!“

— Близколь, милый?—„Вотъ! примчались!“
Слышутъ: сосны зашатались;
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ!
Борзый конь стрѣлой на дворъ!
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ Божій храмъ!
Конь несется по гробамъ:
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ чуть слышный шопотъ,
Мнится, мертвыхъ тихій гласъ!...
Вотъ денница занялась!

Что же чудится Людмилѣ?...
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ — глухой подземный громъ!
Страшно доски затрещали;
Кости въ кости застучали;
Пыль взвилася! обручь хлопъ!
Тихо, тихо вскрылся гробъ....
Что же, что въ очахъ Людмилы?...
Ахъ! невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ! женихъ—мертвецъ!

Видитъ трупъ оцѣпенѣлый!
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ!
Страшенъ милый прежде видъ;
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ.... манитъ перстомъ!...
„Конченъ путь! ко мнѣ, Людмила!
Намъ постель — темна могила!
Завѣсъ — саванъ гробовой!
Сладко спать въ землѣ сырой!“

Чтожъ Людмила? . . . Каменѣетъ;
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ;
Пала мертвая на прахъ! — —
Стонъ и вопли въ облакахъ!
Визгъ и скрежетъ подъ землёю!
Вдругъ! усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ!
Царь Всевышній правосуденъ!
Твой услышалъ стонъ Творецъ!
Часъ твой билъ — насталъ конецъ!“

*

АЛИНА

и

АЛЬСИМЪ.

АЛИНА
И
АЛЬСИМЪ.

За што, за што вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали —
Всему конецъ!
Што пользы въ платье золотое
Себя рядить!
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить!

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,
Сказать душой
Ему: *ты будь моя на свѣтѣ*!
А ей: *ты мой!*
И вдругъ придется для другова
Любовь забыть —
Што жребія страшнѣй такова?
И льзя ли жить?

Алина матери открылась:
„Мнѣ милъ Альсимъ!
Давно я въ тайнѣ обручилась
Душою съ нимъ;
Давно: *люблю!* ему сказала!
Дай счастье намъ!“
— Нѣтъ, дочь моя, за Генерала
Тебя отдамъ! —

И въ монастырь святой Ирины
Отвозитъ дочь.
Тоска-печаль въ душѣ Алины
И день и ночь.
Три года длилося изгнанье;
Не усладилъ
Ни разу другъ ея страданье!
Но все онъ милъ.

Однажды.... о! какъ свѣтъ коваренъ!...
Сказала мать:
„Любовникъ твой неблагодаренъ!“
И ей читать
Она даетъ письмо Альсима;
Его черты:
Прости! другая мной любима
Свободна ты!

Готово все; женихъ приходитъ;
Идутъ во храмъ;
Вокругъ налоя ихъ обводитъ
Священникъ тамъ!
Увы, Алина! что съ тобою?
Кто твой супругъ?
Ты сердца не дала съ рукою —
Въ немъ прежній другъ!

Какъ смирный агнецъ на закланье,
Вся убрана!
Вокругъ веселье, ликованье —
Она грустна!
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать даритъ!
Напрасно!... прежняго веселья
Не возвратитъ!

Но какъ же дни свои смиренно
Ведетъ она!
Вся жизнь семьѣ уединенной
Посвящена!
Алины сердце покорилось
Судьбѣ своей;
Супругужъ то, что сохранилось
Отъ сердца ей.

Но все, по прежнему, печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встрѣчали —
Все мысль одна!
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,
Все упрекая, что любила,
И всё любя.

Разлуки жизнь воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его — страданье!
А пользы нѣтъ!
Все по неволѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей!
Твердя: забудь! напоминаемъ
Душѣ объ ней.

Однажды, пріунывъ, Алина
Сидѣла; вдругъ
Купца къ ней вводитъ Армянина
Ея супругъ.
„Вотъ цѣпи, дорогія шали,
Жемчугъ, кораллъ!
Они лѣкарство отъ печали;
Я такъ слыхалъ.“

„На что намъ деньги? На веселье! —
Кому ихъ жаль?
Купи, что хочешь, ожерелье,
Цѣпочку, шаль
Или жемчугъ у Армянина;
Вотъ кошелёкъ!
Я скоро возвращусь, Алина!
Прости, дружокъ!“

Товары передъ ней открывши,
Купецъ молчитъ;
Алина, голову склонивши,
Какъ не глядитъ!
Онъ, взоръ потупя, разбираетъ
Жемчугъ, алмазъ;
Подноситъ, молча; но вздыхаетъ
Онъ каждый разъ.

Блистала красота младая
Въ его чертахъ;
Но блѣденъ; борода густая;
Печаль въ глазахъ.
Мила для взора живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

*

Она не видитъ, не внимаетъ —
Мысль далеко!
Но часто, часто онъ вздыхаетъ,
И глубоко.
Что (мыслитъ) онъ такой унылой?
Чѣмъ оскорблёнъ?
Ахъ! естьли потерялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

„Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
О чемъ печаль?
Не отъ любвиль? . . . Ахъ! всей душою
Тебя мнѣ жаль!"
— Что пользы! горя намъ словами
Не утолить!
И невозвратнаго слезами
Не возвратить!

— Одно сокровище безцѣнно
Я въ мірѣ зналъ;
Подобнаго Творецъ вселенной
Не создавалъ!
Одной я имѣлъ въ предметѣ:
Имъ обладать!
За то бы радъ былъ все на свѣтѣ —
И жизнь отдать!

— Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ!
Но Року вздумалось лихому
Мнѣ повредить,
И счастіе мое другому
Съ нимъ подарить!

— Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моей тоской
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной!
Но ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ!
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ. —

„Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокалъ?“
— О нѣтъ! оно милѣе злата! —
„Рубинъ, коралль?“
— Не тяжко потерять ихъ! — „Что же?
Царевъ алмазъ?“
— Нѣтъ! нѣтъ! алмазовъ всѣхъ дороже
Оно сто разъ!

— Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
Въ немъ погубилъ,
Я самъ, на память, образъ милой
Изобразилъ.
И на черты его прелестны
Смотрю въ слезахъ:
Мои всѣ блага поднебесны
Въ его чертахъ! —

Алина слушала уныло
Его разсказъ.
„Могуль на этотъ образъ милой
Взглянуть хоть разъ?“
Алинѣ, молча, какъ убитый,
Онъ подаетъ
Парчею досканецъ обвитый,
Самъ слезы льетъ.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка съ надписью златою;
Она прочла:
Здѣсь все, что я, осиротѣлой,
Моимъ зову!
Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
Все, чѣмъ живу!

Дощечку съ трепетомъ разкрыла —
И что же тамъ?
Что новое судьба явила
Ея очамъ?
Дрожитъ; дыханье прекратилось ....
Какой предметъ!
И въ комъ бы сердце не смутилось?...
Ея портретъ!

— Алина! пробудись, другъ милой!
Съ тобою я!
Ничто души не измѣнило;
Она твоя!
Въ послѣдній разъ: люблю Алину!
Пришелъ сказать;
Тебя покинувъ, жизнь покину,
Чтобъ не страдать. —

Алина съ горемъ и тоскою
Ему въ отвѣтъ:
„Альсимъ! я вѣрной быть женою
Дала обѣтъ!
Хоть долгъ и тяжкой и постылой —
Все покорись!
А ты — не умирай, другъ милой! —
Но .... удались!“

Алинѣ руку на прощанье
Онъ подаетъ!
Она беретъ ее въ молчаньѣ
И къ сердцу жметъ.
Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленьѣ
Онъ задрожалъ,
И имъ во грудь въ одно мгновенье
Вонзилъ кинжалъ!

Альсима нѣтъ; Алина дышитъ;
,,Невинна я!
(Такъ говоритъ) Всевышній слышитъ
Насъ Судія!
За чтожъ рука твоя пронзила
Алинѣ грудь?
Но Богъ съ тобой! я все простила!
Ты все забудь!"

Убійца съ той поры томится
И ночь и день:
Повсюду въ слѣдъ за нимъ влачится
Алины тѣнь;
Обагрена кровавымъ токомъ
Вся грудь ея;
И говоритъ ему съ упрёкомъ:
Невинна я!

ВАРВИКЪ.

ВАРВИКЪ.

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;
И слышали одни брега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Отъ подданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ —
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.

*

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій брегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ бреговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ;
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.

Въ дали, въ близи разсыпанныя села
Дымились по утрамъ;
Отъ рѣзвыхъ стадъ равнина вся шумѣла,
И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Спѣшилъ пришлецъ, съ дороги своротяся,
На Ирлингфоръ взглянуть,
И красотой картинъ его плѣняся,
Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ Природы:
Вотще въ его глазахъ
Цвѣтутъ лѣса, віяся блещутъ воды
И радость на лугахъ!

И устремить, трепещущій, не смѣетъ
Онъ взора на Авонъ:
Оттоль зефиръ во слухъ убійцы вѣетъ
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи
Все тотъ же слышанъ крикъ,
И чудятся блистающія очи
И блѣдный, страшный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ бреговъ уходитъ —
Пріюта въ мірѣ нѣтъ!
Страшилищемъ ужаснымъ совѣсть бродитъ
Вездѣ за нимъ во слѣдъ!

И онъ пришелъ опять въ свою обитель:
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель,
Въ дому его чужой!

Часы стоятъ, окованы тоскою;
А мѣсяцы бѣгутъ!
Бѣгутъ — и день убійства за собою
Невидимо несутъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ провожаетъ
Варвикъ ночную тѣнь!
Дошелъ! (ему гласъ совѣсти вѣщаетъ)
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день! отъ молній небо блещетъ;
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливмя льетъ; волнами съ воемъ плещетъ
Разлившійся Авонъ.

Вотще Варвикъ, среди веселій шума,
    Цѣдитъ въ бокалъ вино:
Съ нимъ за столомъ садится рядомъ Дума;
    Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродитъ
    Въ толпѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ; съ лица его не сводитъ
    Пронзительныхъ очей.

И день угасъ! Варвикъ спѣшитъ на ложе....
    Но и въ тиши ночной,
И на одрѣ уединенномъ то же!
    Тамъ сонъ, а не покой!

И мнитъ онъ зрѣть пришельца изъ могилы,
    Тѣнь брата предъ собой!
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдный, взоръ унылый,
    И голосъ гробовой!

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
И тотъ же слышенъ гласъ,
Какимъ молилъ онъ быть отцемъ Эдвину
Варвика въ смертный часъ:

,,Варвикъ! Варвикъ! свершилъ ли данно слово?
Исполненъ ли обѣтъ?
Варвикъ! Варвикъ! возмездіе готово!
Готовъ ли твой отвѣтъ?"

Воспрянулъ онъ — гласъ смолкнулъ — разъяренной
Одинъ во мглѣ ночной
Ревѣлъ Авонъ — но для души смятенной
Былъ сладокъ бури вой!

Но вдругъ — и въявь, средь шума и волненья,
Раздался смутный крикъ:
,,Спѣши, Варвикъ, спасись отъ потопленья!
Бѣги! бѣги, Варвикъ!"

И къ брегу онъ спремится — подъ спѣною
Уже Авонъ кипипъ;
Глухая ночь; одѣпо небо мглою;
И мѣсяцъ въ шучахъ скрыпъ.

И молипъ онъ съ подъяпыми руками:
„Спаси! спаси, Творецъ!“
И вдругъ — мелькнулъ челнокъ между волнами;
И въ челнокѣ пловецъ.

Варвикъ зовепъ, Варвикъ манипъ рукою —
Не внемля шума волнъ,
Пловецъ сидипъ спокойно надъ кормою,
И правипъ къ брегу чолнъ.

И съ препепомъ Варвикъ въ челнокъ садипся —
Спрѣлой помчался онъ....
Молчипъ пловецъ.... молчипъ Варвикъ...вопъ, мнипся,
Имъ слышенъ пяжкій спонъ!

На спутника уставилъ кормщикъ очи:
„Не слышался ли крикъ?“
—Нѣтъ! просвисталъ въ твой парусъ вѣтеръ ночи!
Смутясь, сказалъ Варвикъ.

— Правь, кормщикъ! правь! не скоро челнъ домчится!
Гроза со всѣхъ сторонъ! —
Умолкнули .... плывутъ ... вотъ снова, мнится,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ.

„Младенца вопль! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ!“
— Правь, кормщикъ! правь! рѣка покрыта мглою!
Гдѣ взоръ его найдетъ? —

„Варвикъ! Варвикъ! часъ смертный зрѣтъ ужасно!
Ужасно умирать!
Варвикъ! Варвикъ! младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?“

„Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;
Облитъ онъ хладомъ волнъ;
Еще его не видимъ мы очами;
Но онъ .... нашъ видитъ челнъ!“

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,
И близко челнока....
Вдругъ! въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ облака;

И съ яркими сліялася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла;
Зрятъ на скалѣ дитя между волнами;
И тонетъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ; челнокъ летитъ стрѣлою;
Въ смятеніи Варвикъ;
И озаренъ младенца ликъ луною;
И страшно блѣденъ ликъ.

*

Варвикъ дрожитъ — и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ —
И, со скалы спрыгнувъ младенецъ въ волны,
Къ рукѣ его прильнулъ.

И въ мигъ.... дитя, челнокъ, пловецъ незримы!
Въ рукахъ его мертвецъ:
Эдвиновъ трупъ, холодный, недвижимый,
Тяжелый, какъ свинецъ!

Утихло все — и небеса и волны!
Исчезъ въ водахъ Варвикъ;
И слышали одни брега безмолвны
Убійцы страшный крикъ.

ПУСТЫННИКЪ.

ПУСТЫННИКЪ.

„Веди меня, пустыни житель!
Святой Анахоретъ!
Близка желанная обитель;
Привѣтный вижу свѣтъ!

„Усталъ я; тьма кругомъ густая;
Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я въ передъ.“

— Мой сынъ! (въ отвѣтъ пустыни житель)
Ты призракомъ прельщонъ;
Опасенъ твой путеводитель —
Надъ бездной свѣтитъ онъ!

— Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
Отверзта дверь моя,
И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
Дѣлюсь отъ сердца я.

— Войди въ гостепріимну келью;
Мой сынъ, передъ тобой
И брашно съ жесткою постелью,
И сладкій мой покой!

— Есть стадо.... но безвинныхъ кровью
Руки я не багрилъ;
Меня Творецъ Своей любовью
Щадить ихъ научилъ.

— Обѣдъ снимаю непорочный
Съ пригорковъ и полей;
Древа даютъ — плоды мнѣ сочны,
А питіе — ручей.

— Войдижъ въ мой домъ — заботъ тамъ чужды!
Нѣтъ блага въ суетѣ!
Намъ малыя даны здѣсь нужды;
На малый мигъ и тѣ! —

Какъ свѣжая роса денницы,
Былъ сладокъ сей привѣтъ,
И робкій гость, склоня зѣницы,
Идетъ за старцемъ въ слѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой
Его таился кровъ —
Пріютъ для сироты гонимой,
Для странника покровъ.

Непышны въ хижинѣ уборы —
Тамъ бѣдность и покой;
И скрыпнули дверей растворы
Предъ мирною четой.

И старецъ зритъ гостепріимной,
Что гость его унылъ,
И свѣтлый огонёкъ онъ въ дымной
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приправой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку озлащаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ ними;
Въ углу кричитъ сверчокъ;
Трещитъ межъ листьями сухими
Блестящій огонёкъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый;
Печаль въ его чертахъ;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазахъ.

Ему пустынникъ отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О юный странникъ! что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

— Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

— Увы! спокой себя: презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ!
А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

— Приманчивъ дружбы взоръ лукавой.
Но ахъ! какъ тѣнь, во слѣдъ
Она за счастіемъ, за славой,
И прочь отъ хилыхъ бѣдъ!

*

— Любовь.... любовь Прелесть игрою!
Отрава сладкихъ словъ;
Незрима въ мірѣ; лишь порою
Живетъ у голубковъ.

— Но, другъ, ты робостью стыдливой
Свой нѣжный полъ открылъ!——
И очи странникъ торопливой,
Краснѣя, опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ;
Такъ утро тихое сіяетъ
Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси; взоръ склоненный;
Какъ роза, цвѣтъ ланитъ....
И дѣву - прелесть изумленный
Отшельникъ въ гостѣ зритъ.

„Простишь ли, старецъ, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединенье,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой!

„Любовь надеждъ моихъ губитель,
Моихъ виновникъ бѣдъ;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною въ слѣдъ.

„Отецъ мой знатностію, славой
И пышностью гремѣлъ;
Я дней его была забавой;
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

„И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ —
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
А тѣ притворный жаръ.

„И каждый лестью вѣроломной
Привлечь меня мечталъ....
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромной;
Эдвинъ, любя, молчалъ.

„Ему съ смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою —
И та моей была.

„Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой
Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душой.

„Но цвѣтъ, съ небесною росою
Живутъ единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
Я легкостію ихъ.

„Я гордой, хладною казалась;
Но милъ онъ въ тайнѣ былъ;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда онъ слезы лилъ.

„Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья!
Въ пустыню онъ помчалъ
Свою любовь, свои мученья—
И тамъ въ слезахъ увялъ!

„Но я виновна! мнѣ страданье!
Мнѣ увядать въ слезахъ!
Мнѣ будь пустыня та изгнанье,
Гдѣ скрытъ Эдвиновъ прахъ.

„Надъ тихою его могилой
Конецъ свой встрѣчу я!
И приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя!“

— Мальвина! — старецъ восклицаетъ,
И палъ къ ея ногамъ!
О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ;
Эдвинъ предъ нею самъ!

— Другъ незабвенный! другъ единой!
Опять на вѣкъ я твой!
Полна душа моя Мальвиной!
И здѣсь дышалъ тобой!

— Забудь о прошломъ! Нѣтъ разлуки!
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Все въ жизни, радости и муки,
Отнынѣ по поламъ!

— Ахъ! будь и самый часъ кончины
Для двухъ сердецъ одинъ:
Да съ милой жизнію Мальвины
Угаснетъ и Эдвинъ.

А Д Е Л Ь С Т А Н Ъ.

АДЕЛЬСТАНЪ.

День багрянилъ, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ!
Реинъ, въ заревѣ сіяя,
Пышенъ, текъ между холмовъ.

Онъ летучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ;
Терема, зубчаты стѣны
Онъ въ потокѣ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою
Изъ растворчатыхъ воротъ
Вышли на берегъ — игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

*

Вдругъ плыветъ, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Спитъ, какъ будто очарованъ,
Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ,
И ко брегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
Распустилъ крилѣ свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходитъ изъ ладьи.

И по Рейну обратно
Съ очарованной ладьей
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ;
Все въ немъ прелесть — взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора,
Въ замкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души душой мила.

Графы, Герцоги толпою
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ —
Но умомъ и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
На турнирахъ похищалъ;
Онъ вечернія бесѣды
Всѣхъ милѣе оживлялъ.

И привѣтны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Влили нѣжность въ сердце Лоры —
Милый сталъ супругомъ ей.

Исчезаетъ сновидѣнье —
Въ слѣдъ за днями мчатся дни!
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь бродитъ надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
    Быстро время — наконецъ
Улыбаясь, возвѣщаетъ
    Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
    На младенца смотритъ онъ.
Ахъ! — онъ мыслитъ — ангелъ милой!
    Для чего ты въ свѣтъ рождёнъ?

И когда обрядъ крещенья
    Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
    Душу юную омыть,

Какъ преступникъ передъ казнью,
    Адельстанъ затрепеталъ;
Взоръ наполнился боязнью;
    Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляетъ
    День обряда отложить.
,,Силъ недугъ меня лишаетъ
    Съ вами радость раздѣлить!"

Солнце спряталось за гору;
    Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору
    Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

,,Нашъ младенецъ будетъ съ нами!
    При дыханьи вѣтерка,
Тихоструйными волнами
    Усыпитъ его рѣка."

И пошли рука съ рукою....
    День на холмахъ догоралъ;
Молча, сумраченъ душою,
    Рыцарь сына лобызалъ.

Вотъ ужъ поздно; солнце сѣло;
Отуманился потокъ;
Черенъ берегъ опустѣлой;
Холодѣетъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ печаленъ,
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лорѣ страшно; замокъ Алленъ
Съ часъ какъ скрылся въ далекѣ.

— Поздно, милый! ужъ сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Съ водъ холодный вѣтеръ вѣетъ;
И дрожитъ младенецъ мой. —

„Тише! тише! пусть сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой!
Грудь моя младенца грѣетъ;
Сладко спитъ младенецъ мой!“

— Поздно, милый! по неволѣ
Страхъ въ мою тѣснится грудь!
Мѣсяцъ блѣденъ; хладно въ полѣ;
Дологъ намъ до замка путь! —

Но молчитъ, какъ очарованъ,
Рыцарь, глядя на рѣку....
Лебедь тамъ плыветъ, прикованъ
Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ брегу — рыцарь съ сыномъ
Въ ладію войти спѣшитъ;
Лора въ слѣдъ за Паладиномъ;
Обомлѣла и дрожитъ.

И осанясь лебедь статной
Легкой цѣпію повлёкъ
Вдоль по Рейну обратно
Очарованный челнокъ.

Небо въ Рейнѣ дрожало,
  И луна изъ дымныхъ тучь
На ладью сквозь парусъ алой
  Проливала темный лучь.

И плывутъ они безмолвны;
  За кормой струя бѣжитъ;
Тихо плещутъ въ лодку волны;
  Парусъ вздулся и шумитъ.

И на берегѣ молчанье;
  И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьѣ;
  Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужь ночи половина!
  Вдругъ.... младенецъ спалъ кричать.
— Адельстанъ! отдай мнѣ сына! —
  Возопила въ страхѣ мать.

*

„Тише! тише! онъ съ тобою!
    Скоро!... ахъ! кто дастъ мнѣ силъ?
Я ужасною цѣною
    За блаженство заплатилъ!

„Спи, невинное творенье!
    Мучитъ душу голосъ твой!
Спи, дитя! еще мгновенье,
    И на вѣкъ тебѣ покой!“

Лодка къ брегу — рыцарь съ сыномъ
    Вышли на берегъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за Паладиномъ,
    Пуще млѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженный;
    Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
Черенъ, дикъ, уединенный,
    Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою —
Въ ней не зрѣло око дна;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: я дань принесъ!

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ.... изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приближилъ рыцарь сына....
Цѣпенѣющая мать,
Возопивъ, у Паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: Спаситель!..
    Гласъ достигнулъ къ небесамъ:
Живъ младенецъ, а губитель
    Низпровергнутъ въ бездну самъ.

Страшно, страшно застенало
    Въ грозныхъ, сжавшихся когтяхъ!
Вдругъ.... все пусто, тихо стало
    Въ глубинѣ и на скалахъ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

На Посейдоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ;
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ;
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокориноски горы,
Сліянны съ синевой небесъ;
Онъ входитъ въ Посейдоновъ лѣсъ....
Все тихо! листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

„О спутники! вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничей главы!“

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой....
И зритъ убійцъ передъ собой;
Готовъ сразиться онъ съ врагами,
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ, ко смертнымъ онъ взываетъ....
Лишь эхо стоны повторяетъ!
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ!
„И такъ! погибну въ цвѣтѣ лѣтъ!
Истлѣю здѣсь безъ погребенья,
И неоплаканъ отъ друзей!
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей!“

И онъ боролся ужъ съ кончиной!...
Вдругъ.... шумъ отъ стаи журавлиной!
Онъ слышитъ — (взоръ его угасъ) —
Ихъ жалобно стенящій гласъ.
,,Вы, журавли подъ небесами!
Я васъ въ свидѣтели зову;
Да грянетъ, привлеченный вами,
Отмщенья громъ на ихъ главу.“

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица!
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
,,И тылъ недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ.“

И внемлютъ гости Посейдона,
Что палъ наперсникъ Аполлона....
Вся Греція поражена!
Для всѣхъ сердецъ печаль одна!
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ окружилъ народъ,
И вопитъ: ,,старцы! мщенья! мщенья!
Злодѣямъ казнь! ихъ сгибни родъ!“

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посейдоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ!
И ктожъ?—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ!
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры —
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры)
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ совокупленныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далёкой,
Съ Егейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ....
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ:

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружонъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада!
Не здѣсь ихъ колыбель была!
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣщи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитые межъ ихъ власовъ
Ехидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

,,Блаженъ, кто незнакомъ съ виною!
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ!
Ему чужда дорога бѣдъ!
Но вамъ, убійцы, горе! горе!
Какъ тѣнь за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы!

,,Не мните скрыться — мы съ крылами!
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами!
И спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ!
Вамъ покаянье не защита!
Вашъ стонъ, вашъ плачь веселье намъ!
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ!“

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно въ дали.

И зритель — зыблемый сомнѣньемъ
Межь истиной и заблужденьемъ —
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей;
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ!...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парѳеній! слышишь?... Крикъ въ дали!
То Ивиковы журавли!"...
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ.... черной полосою
Станица журавлей летитъ.

„Что? Ивикъ!“...Все восколебалось!
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста....шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ!
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!
Что? что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?“

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „убійца тутъ!
То Эвменидъ ужасныхъ судъ!
Отмщенье за пѣвца готово!
Себѣ преступникъ измѣнилъ!
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово!
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй;
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ!
Смущенный видъ, склоненный взоръ
И тщетный плачь былъ ихъ отвѣтомъ!
И смерть была имъ приговоръ.

КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ:
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ!
Спитъ гроза минувшей брани;
Щитъ и мечь и конь забытъ;
Облеченъ въ пурпурны ткани
Съ Поликсеною Пелидъ.

Дѣвы, юноши четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшенные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ!
Стогны дышутъ ѳиміамомъ!
Въ злато Царскій домъ одѣтъ!
Снова счастье надъ Пергамомъ!...
Для Кассандры счастья нѣтъ!

*

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,
    Нелюдима и одна,
Дщерь Пріама въ Аполлоновъ
    Древній лѣсъ удалена!
Сводомъ лавровъ осѣненна,
    Сбросивъ жрическій покровъ,
Провозвѣстница священна
    Такъ роптала на боговъ:

„Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
    Всѣмъ душа оживлена;
Мать, отецъ надеждой полны;
    Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишенна;
    Ужасъ мнѣ — что радость тамъ;
Вижу! вижу! окриленна
    Мчится Гибель на Пергамъ!

„Вижу факелъ — онъ свѣтлѣетъ
    Не въ Гименовыхъ рукахъ
И не жертвы пламя рдѣетъ
    На сгущенныхъ облакахъ;
Зрю пировъ уготовленье....
    Но.... горѣ, по небесамъ,
Слышно Бога приближенье,
    Предлетящаго бѣдамъ.

„И вотще мое стенанье!
    И печаль моя мнѣ стыдъ!
Лишь съ пустынями страданье
    Сердце сирое дѣлитъ!
Отъ счастливыхъ отчужденна,
    Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишенна,
    О предвѣденія взоръ!

„Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
    Въ семъ жилищѣ скромныхъ чадъ
Безмятежнаго незнанья,
    И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ! почто она предвидитъ
    То, чего не отвратитъ?
Неизбѣжное пріидетъ!
    И грозящее сразитъ!

„И спасуль ихъ, открывая
    Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье — жизнь прямая!
    Знанье — смерть прямая намъ!
Фебъ! возьми твой даръ опасной!
    Очи мнѣ спѣши затмить!
Тяжко истины ужасной
    Смертною скуделью быть!

„Я забыла славить радость,
  Ставъ пророчицей твоей!
Слѣпоты погибшей сладость,
  Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
  Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
  Настоящаго отъялъ!

„Никогда покровъ вѣнчальный
  Мнѣ главы не осѣнитъ:
Вижу факелъ погребальный;
  Вижу: ранній гробъ открытъ!
Я съ родными скучну младость
  Всю утратила въ тоскѣ —
Ахъ! моглаль дѣлить ихъ радость,
  Видя скорбь ихъ въ далекѣ?

„Ихъ ласкаетъ ожиданье;
  Жизнь, любовь передо мной;
Все окрестъ очарованье —
  Я одна мертва душой!
Для меня весна напрасна;
  Міръ цвѣтущій пустъ и дикъ....
Ахъ! сколь жизнь тому ужасна,
  Кто во глубь ея проникъ!

„Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благъ своихъ не постигаетъ!
Въ сновидѣніяхъ златыхъ,
И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ!

„И моей любви открылся
Тотъ, къ кому летимъ душой!
Милый взоръ ко мнѣ стремился,
Полный страстною тоской....
Но — для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ!
Вижу: грозно между нами
Тѣнь стигійская стоитъ.

„Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо мною,
Неотступные, летятъ!
Въ рѣзвы юношески лики
Вносятъ ужасъ за собой!
Внемля радостные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой!

„Тамъ сокрытый блескъ кинжала!
Тамъ убійцы взоръ горитъ!
Тамъ невидимаго жала
Ядъ погибелью грозитъ!
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная!
Я въ чужбинѣ гробъ найду!"....

И слова еще звучали....
Вдругъ.... шумитъ священный лѣсъ!
И зефиры гласъ примчали:
„Палъ державный Ахиллесъ!"
Машутъ фуріи зміями!
Боги мчатся къ небесамъ!
И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ!

ЭЛЬВИНА
и
ЭДВИНЪ.

Эльвина и Эдвинъ.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась —
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
„Всѣ блага въ жизни ей!"

Какъ лилія была чиста душою,
И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ —
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

*

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна;
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота:
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ кончаешь день;
Въ двоемъ и радости всѣ въ двое....
Но ахъ! онѣ какъ тѣнь!

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинѣ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь — на счастье двухъ сердецъ.
„Разстаньтесь!“ роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы! Эдвинъ! въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить!
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви, все было только сонъ!
Онъ розно съ ней; онъ милой встрѣчи
Бояться осуждёнъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эльвины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна;

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги,
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланитъ румяный цвѣтъ пропалъ:
Ихъ горе блѣдностью покрыло....
Несчастный увядалъ!

И не спасутъ его младыя лѣты!
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты —
Всему, всему конецъ!

И молитъ онъ: „друзья! изъ сожалѣнья!
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!
Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть!"

Она пришла; но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ!
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открытъ!

Смотри! смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ!
Ни тѣни прежняго Эдвина!
Ликъ блѣдный, слабый гласъ!

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ:
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ!

И до зари покинувши Эдвина,
Одна, домой, вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла;

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качалъ, свистя во мракѣ, дерева;
И выла на стѣнѣ оградной
Полночная сова;

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
Казалось — тѣнь его летала!
Казалось — онъ стеналъ!

Но.... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали пробилъ уныло тяжкой звонъ!
Какъ смерти голосъ по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала —
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ!
„Прости! все кончилось! (сказала)
Мой ангелъ улетѣлъ!

„Благослови! ... зовутъ! ... иду къ Эдвину! ...
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ!"
Умолкла! мать зоветъ Эльвину —
Эльвины больше нѣтъ!

СВѢТЛАНА.

С В Ѣ Т Л А Н А.

(Александрѣ Андреевнѣ Пратасовой.)

Разъ въ Крещенской вечерокъ
    Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
    Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
    Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
    Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
    Серги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
    Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
    Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
    Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
    Вымолви словечко!
Слушай пѣсни круговой;
    Вынь себѣ колечко!
Пой, красавица: кузнецъ!
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
    Скуй кольцо златое!
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ!
Обручаться тѣмъ кольцомъ
    При святомъ налоѣ!“

— Какъ могу, подружки, пѣть!
    Милый другъ далёко!
Мнѣ судьбина умереть
    Въ грусти одинокой!
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ;
    Онъ ко мнѣ не пишетъ!
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ!

Имъ лишь сердце дышетъ!...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ утѣшитель! —

Вотъ! въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребiй свой!
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою,
Упадетъ съ дверей запоръ,
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою!“

Вотъ красавица одна;
    Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
    Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
    Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнёмъ
    Чуть лiетъ сiянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
    Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ вспыхнулъ огонёкъ!
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
    Вѣстникъ полуночи!

Подпершися локоткомъ,
    Чуть Свѣтлана дышитъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ!
Робко въ зеркало глядитъ:
    За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ

Яркими глазами!
Занялся отъ страха духъ!
Вдругъ.... въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса!
Твой услышанъ ропотъ!“

Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость! свѣтъ моихъ очей!
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужь въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Ликъ вѣнчальну пѣснь поетъ;
„Храмъ блеститъ свѣчами!“
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкой дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли.... кони съ мѣста въ разъ!
Пышутъ дымъ ноздрями!
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ!... пусто все вокругъ;
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
„Что ты смолкнулъ, милый?"
Ни полслова ей въ отвѣтъ!
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокой....
Вотъ! въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокой;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ

Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
„Буди взятъ могилой!“
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ!
Снѣгъ валитъ клоками!
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ: печаль!
Кони торопливы
Чудко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонёкъ;
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй!
Снѣгъ взрываютъ, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися.... и въ мигъ
Изъ очей пропали!
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали!
Одинокая въ потьмахъ
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга!
Возвратиться? — Слѣду нѣтъ!
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ!
Вотъ — перекрестилась!
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася... скрыпитъ....
Тихо растворилась.

Чтожъ? Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ Иконой....
Ахъ! Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой

Безотвѣтный житель!
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ Иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми, въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло!... вьюги нѣтъ!...
Слабо свѣчка тлится;
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ!
Страшное молчанье!...
Чу! Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье!...
Вотъ! глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ....
Вотъ! Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ! мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь — на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ....въ устахъ сомкнутыхъ стонъ!
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы!...
Что же дѣвица? Дрожитъ!
Гибель близко!... но не спитъ
Голубочикъ бѣлый.

Встрепенулся! развернулъ
Легкія онъ крилы!
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ!...
Всей лишенный силы,
Возстенавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ

Грозными очами....'
Снова блѣдность на устахъ!
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась!
Глядь Свѣтлана.... о Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ!
Ахъ!... и пробудилась!

Гдѣжъ? У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы.
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучь денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ!... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ!
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ —
Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей?
Радость иль кручину?“

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
 Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
 Видѣнъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
 Паръ алѣетъ тонкой....
Чу!... въ дали пустой гремитъ
 Колокольчикъ звонкой!
На дорогѣ снѣжный прахъ!
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
 Санки кони рьяны!
Ближе! вотъ ужь у воротъ!
Статный гость на дворъ идётъ....
 Кто?... Женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
 Прорицатель муки?
Другъ съ тобой! все тотъ же онъ
 Въ опытѣ разлуки;
Тажь любовь въ его очахъ;
 Тѣжь пріятны взоры;
Тѣжь на сладостныхъ устахъ

Милы разговоры.
Отворяйсяжь, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу!
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы!
Слава — насъ учили — дымъ!
Свѣтъ судья лукавый!
Вотъ баллады толкъ моей:
,,Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье!
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
,,Счастье — пробужденье!"

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется!
Въ ней душа, какъ ясный день!
Ахъ! да пронесется
Мимо — бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла;
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!

ЭОЛОВА АРФА.

ЭОЛОВА АРФА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краёвъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за стаканомъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительской домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы,
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны ресницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье —
Пріятность рѣчей;
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестней въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ....
И въ тайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій - пѣвецъ!

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза - утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный,
Но родомъ не знатный, не Княжескій сынъ:
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ. — —

На темные своды
Багрянымъ щипомъ покатилась луна;
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ —
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ —
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она!

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ!
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ тихимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ —
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ!“

— Чтожъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ!
О вѣрный! о милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ! —
„Минвана, Минвана!
Я бѣдный пѣвецъ;
Тыжъ Царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ!“

— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой Царскій вѣнецъ!
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ!
Почто же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило!
Оставимъ годамъ за годами летѣть! —

„Минутная сладость
Веселаго *вѣсти*, помедли, постой!
Кто скажет, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарёй!
Проглянетъ денница —
Блаженству конецъ!
Опять ты царица!
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ!"

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня!
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня!
Лишь Царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой!
А мыслію, взоромъ,
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой! —

„Прости! ужь блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ!
Ужь утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ!"
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ!
Не скоро денница!
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ! —

„Ужь въ замкѣ проснулись!
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ!“
— О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтьвяхъ кустовъ! —
„Заря ужь багряна!“
— О милый, постой! —
„Минвана! Минвана!
Почтожъ замираетъ такъ сердце тоской?“

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтьвей:
„Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней!
И сладкіе звуки
Любви не забудь,
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь!

„Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны!
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ!

*

„И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой!
Что прежнія муки:
Превратнаго страхъ,
И ужасъ разлуки,
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ!

„Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой!
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой!
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй!
И, вѣтеръ душистый,
На юныя перси дышать прилетай!“

Умолкъ — и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ....
Какъ бы неизвѣстной
Въ немъ голосъ: *на вѣки прости*! говорилъ!
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ!...

Луна возсіяла....
Минвана у древа.... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ!
Молва о свиданьѣ
Достигла отца,
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано,
Подъ древомъ свиданья Минвана груститъ!
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ!
Все пусто! День ясный
Взойдетъ и зайдетъ —
Пѣвецъ сладкогласный
Минвану подъ древомъ свиданья не ждетъ!

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтьви колышетъ,
И арфу лобзаетъ.... но арфа молчитъ! — —
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана!

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужь синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды;
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа.... душой въ далекѣ!...
И тихо все было!...
Вдругъ!... къ пламенной что-то коснулось щекѣ
И что-то шатнуло,
Безъ вѣтра, листы;
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты!...

И вдругъ.... изъ молчанья
Подъялся протяжный, задумчивый звонъ;
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
„Свершилось! свершилось!
Земля опустѣла! ужь милаго нѣтъ!“

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ!
Когдажъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина!...

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнились ей звуки
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

,,О милыя струны!
Играйте, играйте! мой часъ не далёкъ!
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ!
И странникъ унылой
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милой
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не найдетъ!"

И нѣтъ ужъ Минваны....
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Слiявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни....
И дубъ шевелится, и струны звучатъ!

АХИЛЛЪ.

АХИЛЛЪ.

Отуманилася Ида;
    Омрачился Илліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
    На равнинѣ битвы сонъ;
Тихо все.... курясь, сверкаетъ
    Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
    Стражу стража близь шатровъ!

Надъ Егейскихъ водъ равниной
    Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
    И брега отражены;
Видѣнъ въ полѣ опустѣломъ
    Съ колесницею Пріамъ:
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
    Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ!

*

И на брегѣ близъ кургана
　Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана,
　Онъ главу на длань склонилъ!
Смотритъ въ даль — тамъ съ колесницей
　На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
　Слезы бѣдный Царь съ ланитъ.

Лиру взялъ, ударилъ въ струны,
　Тихъ его печальный гласъ:
„Старецъ! палъ твой Гекторъ юный!
　Свѣтъ души твоей угасъ!
И Гекуба, Андромаха
　Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха....
　Жизнь и смерть имъ твой возвратъ!

„И съ денницею печальной
　Воскурится ѳиміамъ,
Огласятся погребальной
　Пѣснью каждой домъ и храмъ!
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
　Пепелъ въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
　Миръ въ странѣ тѣней дадутъ!

„О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склонялъ;
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ;
Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину!
Ахъ! не сѣтуй! гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину!
И меня постигъ Зевесъ!

„Близокъ часъ мой! роковая
Приготовлена стрѣла!
Парка, жребію внимая,
Дни мои ужъ отвила!
И скрыпятъ врата Айдеса!
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все прошло для Ахиллеса!
Факелъ дней его угасъ!

„Вѣрный другъ мой взятъ могилой!
Спутникъ дней моихъ исчезъ —
Въ слѣдъ за нимъ съ земли унылой
Улетитъ и Ахиллесъ!
Такъ судилъ предѣлъ жестокой:
Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ брегу, далёко
Отъ Пелеевыхъ очей!

„Ахъ! и сердце запрещаетъ
    Долѣ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужь другъ не услаждаетъ
    Душу сирую мою!
Гекторъ палъ — его паденьемъ
    Тѣнь Патрокла я смирилъ;
Но себѣ за друга мщеньемъ
    Путь къ Тенару проложилъ!

„Ты не жди, Менецій, сына!
    Не придетъ онъ въ отчій домъ....
Здѣсь Егейская пучина
    Предъ его шумитъ холмомъ!
Спитъ онъ!... смерть сковала длани;
    Позабылъ ко славѣ путь;
И призывный голосъ брани
    Не вздымаетъ хладну грудь.

„И Ахиллъ не возвратится!
    Въ домѣ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится!
    О Пелей, ты сирота!
Пронесется буря брани —
    Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ свой въ новы ткани
    Для пріема убирать;

„Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть — въ пустой дали
Не бѣлѣетъ ли вѣтрило,
Не плывутъ ли корабли!
Корабли придутъ отъ Трои —
А меня ни на одномъ!
Тамъ, гдѣ билися герои,
Буду спать — и вѣчнымъ сномъ!

„Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать —
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладитъ,
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не долетитъ.

„Край отчизны! свѣтлы воды!
Очарованны мѣста!
Миртъ, оливъ пріютны своды!
Пышныхъ доловъ красота!
Разцвѣтайте, украшайтесь,
Какъ и прежде, тишиной!
Какъ и прежде, оглашайтесь
Кликомъ радости одной!

„Но Патрокла и Ахилла
    Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сулила
    Вамъ рука моя отдать
Кудри съ юныя отъ брани
    Уцѣлѣвшія главы....
Всѣ Патроклу въ даръ! и дани
    Ужъ моей не ждите вы!

„Кони быстрые, изъ боя
    (Тайный рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя —
    И на щитъ онъ мертвый палъ!
Кони бодрые, ретивы,
    Чтожъ теперь такъ мрачны вы?
По землѣ влачатся гривы;
    Наклонилися главы;

„Позабыта пища вами;
    Груди мощныя дрожатъ;
Слышу стонъ вашъ, и слезами
    Очи гордыя блестятъ!
Знать Ахилловъ предъ собою
    Зрите вы послѣдній часъ?
Знать вложенъ былъ въ васъ судьбою
    Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ?...

„Скоро!... лукъ свой напрягаетъ
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ!
И Патроклъ съ бреговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ!

„Какъ зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,
И слѣды минувшихъ слезъ....
Я простеръ ко брату руки....
Онъ во мглѣ пустой исчезъ!...

„Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ;
Брегъ увидитъ незнакомый,
И зеленый холмъ на немъ;
Кормщикъ юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ —
„Вотъ Ахилловъ гробъ! — онъ скажетъ;
„Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ!

,,Тамъ, ужасный, на оградѣ
,,Намъ явился онъ въ ночи —
,,Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
,,Съ шлема грозные лучи!
,,И три-краты звучнымъ кликомъ
,,На врага онъ грянулъ спрахъ,
,,И Троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
,,Бросилъ щитъ и мечь во прахъ.

,,Тамъ, Атриду давъ десницу,
,,Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
,,Тамъ, гремящій въ колесницу
,,Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;
,,Тамъ по праху за собою
,,Тѣло Гекторово мчалъ,
,,И на трепетную Трою
,,Взглядомъ мщенія сверкалъ!"

,,И сойдешь на брегъ священный
Съ корабля, Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
Положить и мечь и шлемъ!
Вдругъ ужь пусто!... смолкли бои!
Тихи Ксантъ и Симоисъ!
И уже вкругъ башенъ Трои
Плющь и терній обвились!

„Обойдешь равнину брани....
Тамъ, гдѣ рапповалъ Ахиллъ,
Ужь спадяпся робки лани
Вкругъ оспавленныхъ могилъ!
И услышишь надъ собою
Двухъ невидимыхъ полепъ....
Эпо мы!...рука съ рукою!...
Мы, друзья минувшихъ лѣпъ!

„Вспомяни погда Ахилла!
Быспро въ мірѣ онъ пропекъ!
Здѣсь судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга пrупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ!“—

Онъ умолкъ!... Въ пуманѣ Ида;
Опуманенъ Иліонъ;
Спипъ во мракѣ спанъ Априда;
На равнинѣ бипвы сонъ;
И курясь, едва сверкаепъ
Пламень гаснущихъ коспровъ;
И пропяжно окликаепъ
Спража спражу близъ шапровъ.

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

Александрѣ Андреевнѣ Пратасовой.

Желала ты моихъ стиховъ —
Вотъ длинная Баллада!
Пусть слава для другихъ пѣвцовъ,
Твой взоръ моя награда!
Но чѣмъ же кончу я куплетъ?
Еще одно желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье!
Печаль по слуху только знай;
Будь радостію свѣта;
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь Поэта!

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ - рѣкой,
　Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь, Громобой
　Сидѣлъ одинъ съ кручиной;
Окрестъ его дремучій боръ;
　Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
　Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
　Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
　И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшею главой,
И думаетъ онъ думу:
,,Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть!
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь —
А мнѣ сума награда!
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды!
Усталъ я! въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды!"

Готовъ онъ прянуть съ крутизны!
И вдругъ....предъ нимъ явленье!
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье:
Старикъ съ щетинистой брадой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приближился, грозитъ
Клюкою Громобою....
И тотъ, какъ вкопаный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

— Куда? невѣдомый спросилъ. —
,,Въ волнахъ скончать мученья!"
— Почтожъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья? —
,,Кто ты? воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя."
— Заступникъ, другъ, спаситель твой!
Ты видишь Асмодея! —
,,Творецъ небесный!" — Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ отрады!
Забудь о Богѣ — мнѣ молись!
Мои вѣрнѣй награды!

— Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье!
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю!
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ —
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата!

*

— Клянусь! (свидѣтель адскій богъ,
Что клятвы не нарушу!)
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу! —
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится!
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься!
— Почтожъ задумался, глупецъ? —
„Страшусь мученій ада!"
— Но раноль, поздноль.... наконецъ
Все адъ твоя награда!

— Тебѣ на свѣтѣ жить — бѣда!
Покинуть свѣтъ — другая!
Останься здѣсь — поди туда —
Вездѣ погибель злая!
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ!
Не вѣрь имъ — бредни! веселъ адъ!
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ!
Мы жизнь пріятную ведемъ!
Нашъ адъ не хуже рая!
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая!

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ,
И тьму людей на службу!
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу!
Досель красавицъ ты пугалъ —
Придутъ къ тебѣ толпою!
И словомъ — вздумалъ, загадалъ,
И все передъ тобою!
И вотъ въ задатокъ кошелёкъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато!
Но десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
Тебѣ такъ жить богато!

— Когдажъ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою;
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою! —
Сталъ думу думать Громобой;
Подумалъ — согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье,
Лукавый принялъ — и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой —
    Откуда что взялося!
И счастье на него рѣкой
    Съ богатствомъ полилося!
Какъ Княжескій, разубранъ домъ!
    Подвалы полны злата!
Съ заморскимъ выходы виномъ!
    И рѣдкостей палата!
Пиры — хоть постъ, хоть мясоѣдъ!
    Музыка роговая!
Для всѣхъ — чужихъ, своихъ — обѣдъ,
    И чаша круговая!

Возможно все въ его очахъ,
    Всему онъ повелитель:
И сильнымъ бичь, и слабымъ страхъ,
    И хищникъ и грабитель!
Двенадцать дѣвъ похитилъ онъ
    Изъ отческой ихъ сѣни;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
    И родственниковъ пени;
И въ годъ двенадцать дочерей
    Имѣлъ отъ обольщенныхъ;
И былъ онъ чуждъ своихъ дѣтей
    И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щитомъ
    Былъ Ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань — Божій домъ,
    Смиренія обитель!
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
    Сокрылъ ихъ съ матерями:
Да славятъ Вышняго Царя
    Невинныхъ устъ мольбами!
И горней благодати сѣнь
    Была надъ ихъ главою!
Какъ вешній ароматный день,
    Цвѣли онѣ красою!

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
    До юности златыя
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
    Лишь подвиги благія.
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
    Стекалися во храмѣ;
На клиросѣ, предъ олтаремъ,
    Кадильницъ въ ѳиміамѣ,
Въ священный литургіи часъ,
    Ихъ слышалося пѣнье —
И сладкій непорочныхъ гласъ
    Внимало Провидѣнье!

И слезы нѣжныхъ матерей
  Съ молитвой ихъ сливались,
Когда во храмѣ близь мощей
  Онѣ распростирались.
„О! дай имъ кровъ, Небесный Царь!
  (То было ихъ моленье)
Да будетъ Твой святый олтарь
  Незлобныхъ душъ спасенье!
Покинулъ ихъ родной отецъ,
  Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
  И грѣшника помилуй!“...

Но вотъ.... насталъ десятый годъ!
  Уже онъ на исходѣ!
И грѣшникъ горьки слезы льётъ:
  Всему онъ чуждъ въ природѣ!
Опять украшены весной
  Луга, пригорки, долы!
И пахарь веселъ надъ сохой,
  И счастья полны сёлы!
Не зритъ лишь онъ златой весны:
  Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
  Луга, долины, горы.

Денницаль красная взойдетъ —
    ,,Прости, гласитъ, денница!"
Въ дубравѣль птичка пропоетъ —
    ,,Прости, весны пѣвица!...
Прости, и мирные лѣса,
    И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
    И радости земныя!"
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ,
    Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: онѣ Творца смягчатъ!
    Невиннымъ Богъ внимаетъ!

И вотъ насталъ послѣдній день;
    Ужь солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
    Прозрачной пеленою;
Ужь сумракъ.... смерклось.... вотъ луна
    Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
    Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
    Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокій на поляхъ;
    И близокъ часъ полночи!...

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой Иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны!
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ:
Сердца ихъ близки раю!
„Увы! молитесь! (вопіялъ)
Молитесь! погибаю!“
Младенца внятенъ небу стонъ:
Невинныя молились!
Но вдругъ.... на нихъ находитъ сонъ....
Замолкли.... усыпились!

И все въ ужасной тишинѣ!
Окрестность какъ могила!
Вотъ.... каркнулъ воронъ на стѣнѣ!
Вотъ.... стая псовъ завыла!
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ!
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ;
И мчится прахъ летучій!
Увы!... послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами....
Гулъ тише.... смолкъ.... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами!

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою!
Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ!
Пришелъ я за тобою! —
„О, дай, молю, хоть малый срокъ!
Терзаюсь! адъ ужасенъ!“
— Свершилось! неизбѣженъ рокъ!
И поздный вопль напрасенъ! —
„Минуту!“ — Слышишь? Цѣпь звучитъ! —
„О страшный часъ! помилуй!“
— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужь могилу!

— Заутра день взойдетъ во мглѣ!
Подымутся стенанья!
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья!
Кадилъ и свѣчь въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
На вѣки въ заточенье!
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою!
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій, миръ съ тобою!

*

— И миръ не будетъ твой удѣлъ:
  Ты адово стяжанье!
Но время!... идутъ!... часъ приспѣлъ!
  Внимай ихъ завыванье!
Спеклись! призывный слышу кличь!
  Ихъ челюсти зіяютъ!
Смола клокочетъ! свищетъ бичь!
  Оковы разжигаютъ! —
„Спаситель-Царь! воньми слезамъ!"
  — Отринуто моленье! —
„Увы! позволь хоть сиротамъ
  Мнѣ дать благословенье!"

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ —
  Сверкнули страшно очи!
— Лишить ихъ царствія небесъ!
  Предать геенской ночи!
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
  И съ гордымъ Сатаною! —
И усмиривъ грозящій взглядъ,
  Вѣщалъ онъ Громобою:
— Я внялъ твоей печали гласъ!
  Есть средство избавленья!
Покоренъ будь, иль въ адъ сей часъ
  На скорби и мученья!

— Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году! —
„Злодѣй! губитъ невинныхъ чадъ!“
— Ты медлишь! приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части развлеките! —
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тьма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ!
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверзтыми когтями!
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: „страшный врагъ, постой!
Постой! готовы жертвы!“
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ....
Онъ пишетъ ихъ рукою....
О страхъ! свершилось! плещетъ адъ
И съ гордымъ Сатаною!

Ты казнь отсрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада!
Но жить, погибнувши душой —
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья!
Веселья нѣтъ душѣ твоей!
И нѣтъ ей упованья!
Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы!
Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ въ живѣ снѣдь могилы.

Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
Съ душистыя долины;
И свѣтъ луны сребритъ потокъ
Сквозь темны липъ вершины;
И ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
И роща въ тѣнь свою зоветъ
Листочковъ трепетаньемъ;
И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
Съ пастушьими рогами
Вечерній мракъ животворятъ,
Теряясь за холмами!

Его доселѣ свѣтлый домъ
    Ужь сумрака обитель!
Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
    Пировъ веселыхъ зритель,
Не пьетъ кипящаго вина
    Изъ чаши круговыя!...
И страшенъ день; и ночь страшна;
    И тѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
    И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой;
    И сонъ забыли очи.

И тьмы лѣсовъ страшится онъ:
    Тамъ бродитъ привидѣнье!
То чудится полночный звонъ,
    То погребально пѣнье!
Страшитъ его и бури свистъ,
    И грозныхъ тучь молчанье,
И съ шорохомъ падущій листъ,
    И рощи содроганье!
Прокатитсялъ по небу громъ —
    Блѣднѣетъ! дыбомъ волосъ!
„То мститель, посланъ Божествомъ!
    То казни страшный голосъ!“

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье!
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,
Краса-веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубятъ муки.
Какъ роза-благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной,
Онѣ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ!
Ихъ сердце безмятежно!

А онъ!... преступникъ!... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подъемля очи,
Отверзту видитъ въ далекѣ
Пучину адской ночи.
Онъ плачетъ! онъ судьбу клянетъ!
,,О милыя творенья!
Какой васъ лютый жребій ждетъ!
И гдѣ искать спасенья?
Напрасно вамъ дана краса!
Напрасно сердцу милы!
Закрытъ вамъ путь на небеса!
Цвѣтете для могилы!

„Увы! пора любви придетъ:
    Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ украситъ Божій свѣтъ,
    Вамъ милаго покажетъ!
И взоръ наполнится тоской,
    И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распаленныя душой,
    Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
    И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
    И птичка голосистѣй!

„И дни блаженства не придутъ!
    Страшитесь милой встрѣчи!
Для васъ не брачныя зажгутъ,
    Но погребальны свѣчи!
Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ
    Пойдете съ женихами....
Ужасный гробъ готовятъ намъ!
    Прокляты небесами!
И нашъ удѣлъ: тоска и стонъ
    Въ обителяхъ геенны!
О грозный жребія законъ!
    О жертвы драгоцѣнны!“...

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
 Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ: „самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
 Въ раскаяньи спасенье!
Возносятся предъ Вышній тронъ
 Преступниковъ стенанья!"...
И домъ свой обращаетъ онъ
 Въ обитель покаянья:
Да странникъ въ немъ найдетъ покой,
 Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снѣдь, больной
 Спасенье отъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ
 Служитель на сторожѣ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовётъ:
 „Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе!"
И вотъ уже изъ всѣхъ краёвъ,
 Влекомыя молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
 И нищихъ къ Громобою.
И всѣхъ пріемлетъ Громобой;
 Всѣмъ дань его готова;
Онъ щедрой злато льетъ рукой
 Отъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ;
Подобье свѣтла рая,
Обитель иноковъ при нёмъ
Является святая;
И въ той обители святой,
Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый, и больной,
И скорбью убіенной
Пріемлютъ, именемъ Творца,
Отраду, исцѣленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнаютъ Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ города чужаго;
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
Угодника святаго:
На той Иконѣ Громобой
Былъ видимъ съ дочерями,
И на молящихся Святой
Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
Предъ образомъ въ лампадѣ;
Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ,
И перлы на окладѣ.

И въ часъ — когда рѣдѣетъ тѣнь,
Еще дубрава дремлетъ,
И воцаряющійся день
Полъ-неба лишь объемлетъ —
И въ часъ вечерней тишины —
Когда вездѣ молчанье,
И свѣчи, въ храмѣ возжены,
Льютъ тихое сіянье —
Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
Предъ образомъ смиренно
Разпростирался Громобой,
Веригой отягченной....

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды —
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы!
Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ третей нѣтъ —
И будто не бывало!
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
Всему конецъ! твой близокъ часъ!
Погибель надъ тобою!

И вотъ недугъ низринулъ злой
    Его на одръ мученья!
Растерзанъ лютою рукой,
    Не чая исцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зритъ
    Отверзту дверь могилы;
И у возглавія сидитъ
    Надъ нимъ призракъ унылый;
И нѣтъ ужь силъ ходить во храмъ
    Къ Иконѣ чудотворной—
Лишь взоръ онъ мещетъ къ небесамъ,
    Молящій, но покорной!

Увы! ужь и послѣдній день
    Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
    Блистанье проникаетъ;
Все тихо, весело, свѣтло!
    Все нѣгой сладкой дышетъ!
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
    Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
    Въ поляхъ благоуханье;
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылёкъ
    И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
    Со стономъ и слезами!
„О рано ты, ночная тѣнь,
    Разсталась съ небесами!
Стекитесь, дѣти! одръ отца
    Съ молитвой окружите!
И предъ судилище Творца
    Стенанія пошлите!
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ!
    Взывайте: Искупитель!
Смягчи грозящій гнѣва зракъ!
    Не будь намъ строгій Мститель!“

И страшнаго одра кругомъ —
    Гдѣ блѣденъ, изможденный,
Съ обезображеннымъ челомъ,
    Всѣ кости обнаженны,
Брада до чреслъ, власы горой,
    Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
    Съ утра до поздней ночи —
Стеклися дѣвы, ясный взоръ
    На небо устремили,
И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
    Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
    Такъ Ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезамъ,
    Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
    Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
    Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ....
    И утомленъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
    Отыди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,
    Подъемля къ небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
    Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
    Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
    Еще молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
    Сіянія денницы....
Но взоръ недвижный угасалъ,
    Смыкалися зѣницы!

„О дѣти! дѣти! гаснетъ день!“
— Нѣтъ, утро! лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
По долу протянулась;
И нивы пусты; въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьется! —
„Увы! заутра въ красотѣ
Опять сей день проснется!
Но мы!.... ужь скрылись отъ земли!
Уже насъ гробъ снѣдаетъ!
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ!

„Несчастныя! дерзнулъ на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье!
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу!
Молитесь! воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный! помилуй!“
И дѣвы, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

„О дѣти! дѣти! ночь близка!“
  — Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
  Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчатъ поля; въ долинѣ сонъ;
  Пылаетъ небо знойно! —
„Мнѣ чудится надгробный стонъ!“
  — Все тихо и спокойно!
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
  Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь горлица въ глуши лѣсной
  Повременно воркуетъ! —

„О дѣти! свѣтлый день угасъ!“
  — Ужь солнце за горою;
Ужь по закату разлилась
  Багряною струёю
Заря, и съ пламенныхъ небесъ
  Спокойный вечеръ сходитъ;
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ;
  Въ долинѣ сумракъ бродитъ! —
„О вечеръ сумрачный, постой!
  Помедли, день прелестной!
Помедли! взоръ не узритъ мой
  Тебя ужь въ поднебесной!...

„О дѣти! дѣти! ночь близка!“
— Заря ужь догорѣла;
Въ туманъ одѣлася рѣка;
Окрестность поблѣднѣла;
И на распутіи пылятъ
Стада, спѣша къ селенью! —
„Спасите! полночь бьетъ!“ — Звонятъ
Въ обители къ моленью!
Отцы поютъ хвалебный гласъ!
Огнями храмъ блистаетъ! —
„При нихъ и грѣшникъ, въ страшный часъ,
Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!...

„Не тмится ль, дѣти, неба сводъ?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьется ль прахъ летучій?“
— Все тихо! служба отошла;
Обитель засыпаетъ;
Луна полнеба протекла;
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
Луга, поля безмолвны;
Огни потухнули въ селѣ;
И рощи спятъ и волны! —

И всюду тишина была!
  И вся природа, мнилось,
Предустрашенная, ждала,
  Чтобъ чудо совершилось!...
И вдругъ.... какъ будто вѣтерокъ
  Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
  Чуть тронулъ зыбь потока....
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ....
  Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы Серафимъ
  Эфирными перстами.

И тихо, тихо Божій храмъ
  Отверзся.... неизвѣстной
Явился старецъ дѣвъ очамъ!...
  И ликъ красы небесной,
И кротость благостныхъ очей
  Рождали упованье;
Одѣянъ ризою лучей,
  Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
  Въ воздушномъ приближеньѣ....
Предъ нимъ незримыя текли
  Надежда и Спасенье!

*

Сердца ихъ ужасъ обуялъ....
„Кто сей, во славѣ зримый?"
Но.... близь одра уже стоялъ
Пришлецъ неизъяснимый!
И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
Воскриліемъ одежды:
И тихій во мгновенье сонъ
На ихъ простерся вѣжды!
На искаженный старца ликъ
Онъ кинулъ взглядъ укора:
И трепетъ въ грѣшника проникъ
Отъ пламеннаго взора!

„О, кто ты, грозный сынъ небесъ?
Твой взоръ мнѣ наказанье!"...
Но страшный строгостью очесъ
Пришлецъ хранитъ молчанье....
„О дай, молю, твой слышать гласъ!
Одно надежды слово!
Грядетъ неотразимый часъ!
Событіе готово!"
— Вы ликъ во храмѣ чтили мой!
И въ томъ изображеньѣ
Моя десница надъ тобой
Простерта во спасенье! —

„Ахъ! чтожъ Могущій повелѣлъ?“
　　— Надѣйся и страшися! —
„Увы! какой насъ ждетъ удѣлъ?
　　Что жребій ихъ?“ — Молися! —
И руки положивъ крестомъ
　　На грудь изнеможенну,
Предъ неиспытаннымъ Творцомъ
　　Молитву сокрушенну
Умолкшій проліялъ въ слезахъ;
　　И тяжко грудь дышала,
И въ призывающихъ очахъ
　　Вся скорбь души сіяла!

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ,
　　Мрачнѣе и мрачнѣе;
За тучей грозною ревётъ
　　Другая въ слѣдъ грознѣе;
И страшно сшиблись надъ главой!
　　И небо заклубилось!
И вдругъ....повсюду съ черной мглой
　　Молчанье воцарилось....
И близокъ часъ полночи былъ....
　　И ризою святою
Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
　　Отступника десною;

И, устремленны на востокъ,
    Горѣли старца очи!...
И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,
    Въ пучинѣ черной ночи,
Завылъ протяжно вѣщій бой —
    Окрестность съ нимъ завыла!
Вдругъ — страшной молнія струей
    Сводъ неба раздвоила!
По тучамъ вихорь пробѣжалъ!
    И съ сильнымъ грома трескомъ,
Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,
    Одѣянъ адскимъ блескомъ!

И зміи въ пламенныхъ власахъ —
    Клубясь, шипятъ и свищутъ;
И радость злобная въ очахъ —
    Кругомъ, сверкая, рыщутъ;
И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ —
    Увлечь добычу льстился;
Но старца грознаго узрѣлъ —
    Утихнулъ и смирился!
И въ мигъ гордыни блескъ угасъ!
    И, смутенъ, вопрошаетъ:
— Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
    Къ симъ падшимъ призываетъ? —

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой!“
— Они мое стяжанье! —
„Передъ небеснымъ Судіёй
Всесильно покаянье!“
— И часъ суда Его притекъ!
Ихъ жребій совершися! —
„Еще ко Благости не рекъ
Онъ въ гнѣвѣ: удалися!“
— Онъ правъ — и я владыка имъ! —
„Онъ благъ — я ихъ хранитель!“
— Исчезни! адъ неотразимъ! —
„Отвѣтствуй, Искупитель!“

И громъ съ востока полетѣлъ!
И бездну тучь три-краты
Разсѣкъ браздами ярыхъ стрѣлъ
Перунъ огнекрылатый!
И небо съ края въ край зажглось,
И возстенало въ страхѣ!
И дрогнула земная ось!...
И, воющій во прахѣ,
Творца грядуща слышитъ бѣсъ!
И молится Хранитель!...
И грянулъ изъ среды небесъ
Глаголомъ Вседержитель:

„Гряду судить! и вѣчный судъ
„Несетъ Моя десница!
„Мнѣ Казнь и Благость предтекутъ!...
„Во прахъ, чадоубійца!“
О всемогущество словесъ!
Уже отступникъ тлѣнье!
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ;
Въ костяхъ оцѣпенѣнье;
И ликъ кончиной искаженъ;
И сердце охладѣло;
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло!

„И праху обладатель адъ,
„И гробу отверженье,
„Доколь на погубленныхъ чадъ
„Не снидетъ искупленье!
„И чадамъ непробудный сонъ!
„И тотъ, кто чистъ душою,
„Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
„Одной изъ нихъ красою,
„Придетъ, житейское презрѣвъ,
„Въ забвенну ихъ обитель:
„Есть обреченный спящихъ дѣвъ
„Отъ неба искупитель!“

„И будутъ спать! и къ нимъ вѣка
„Въ полетѣ не коснутся;
„И пройдетъ тлѣнія рука
„Ихъ мимо; и проснутся
„Съ неизмѣнившейся красой
„Для жизни обновленной;
„И водворю тогда покой
„Въ могилѣ искупленной,
„И миръ въ отверженныхъ костяхъ;
„И претворенный въ радость,
„Признавъ Мой Промыслъ въ небесахъ,
„Речетъ: Господь есть Благость!"...

Ужь вѣстникъ утра въ высотѣ!
И слышанъ громкій петелъ!
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость, свѣтелъ!...
Узрѣли дѣвъ, объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли!
И мертвый страшенъ былъ лицомъ:
Глаза, не зря, смотрѣли;
Какъ будто страждущь, прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его роптал,
Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
    Невидимо крылами
Ихъ тихій Ангелъ облачилъ;
    И райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ;
    И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворёнъ,
    Какъ розъ благоуханьемъ;
И разцвѣтали ихъ уста
    Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота
    Въ спокойствіи небесной.

Но вотъ — ужъ гробъ одѣтъ парчой;
    Отверзлася могила;
И слышенъ колокола вой;
    И теплются кадила;
Идутъ и старъ и младъ во храмъ;
    Подъемлется рыданье;
Даютъ безчувственнымъ устамъ
    Послѣднее лобзанье;
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ;
    И взятъ ужъ гробъ землёю;
И ликъ воспѣлъ: усопшій братъ,
    На вѣки миръ съ тобою!

И вотъ — и старъ и младъ пошли
Обратно въ домъ печали;
Но вдругъ предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали
Гранитны стѣны — верхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ —
И сгрянувшись затворы вратъ,
Задвинулись утесомъ.
И вспять погналъ пришельцевъ страхъ!
Бѣгутъ, не озираясь!
„Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!"
Вѣщаютъ, содрогаясь. — —

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустѣнья;
Поля покрылъ дремучій боръ;
Разсыпались селенья;
И человѣчій гласъ умолкъ —
Лишь филинъ на утесѣ,
И въ ночь осенню гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ бреговъ,
Спираема корнями
Изрытыхъ бурею дубовъ,
Рѣка клубитъ волнами.

Гдѣ зрѣлись прежде Божій храмъ
И иноковъ обитель,
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя - развалинъ житель;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ —
Лишь, вѣющій порою,
Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травою;
Лишь, отторгаяся отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ, на время пробужденъ,
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень:
Надъ нимъ всегда въ полночной тьмѣ
Сіяетъ блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвитъ
Листами павилики:
На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
Могилы сторожъ дикій.
И все, какъ мертвое, окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близь сихъ не пройдетъ мѣстъ,
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ —
Вранъ черный встрепенется,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется;
И видится бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи:
Какъ блѣдный на туманѣ день,
Ея сіяютъ очи;
То взоръ возводитъ къ небесамъ;
То съ видомъ тяжкой муки
Къ непроницаемымъ стѣнамъ,
Моля, подъемлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
Сѣдѣетъ лѣсъ унылый:
Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Неслышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ! ихъ сонъ глубокъ!
И жребій искупленья,
Безвѣстно, близокъ иль далёкъ!
И нѣтъ имъ пробужденья!

Но въ часъ — когда поля заснутъ
    И мглой земля одѣта,
(Между торжественныхъ минутъ
    Полночи и разсвѣта) —
Одна изъ спящихъ возстаётъ
    И, странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
    Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ въ даль.... и ждетъ съ тоской....
    „Приди! приди, спаситель!“
Но даль покрыта черной мглой....
    Нейдетъ! нейдетъ спаситель!

Когдажъ исполнится луна —
    Чреда приходитъ смѣны:
Въ урочный часъ пробуждена,
    Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
    Встрѣчается и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
    На долгую разлуку;
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ,
    Задумчива, отходитъ;
А та печально по стѣнамъ
    Одна до смѣны бродитъ.

И скороль? долголь?... Какъ узнать?
    Гдѣ вѣстникъ искупленья?
Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать
    Всѣ ковы обольщенья,
Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ?
    Кто могъ бы — чистъ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
    Непобѣдимъ земною —
Все предстоящее презрѣть,
    И съ вѣрою смиренной,
Надежды полонъ, въ даль летѣть
    Къ наградѣ сокровенной?...

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

40

ПРИМѢЧАНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПѢСНЬ БАРДА

надъ гробомъ Славянъ-Побѣдителей.

Эти стихи написаны въ концѣ 1806 года, и относятся къ военнымъ обстоятельствамъ того времени.

ПѢВЕЦЪ

во станѣ Рускихъ воиновъ.

Авторъ писалъ эти стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, находясь въ Московскомъ Ополченіи.

Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!

Древнія лѣтописи сохранили намъ краткую, но сильную рѣчь Великаго Князя Святослава Игоревича къ его воинамъ, на походѣ противъ Грековъ. *Не посрамимъ земли Рускія,* сказалъ онъ, *ляжемъ здѣ костьми, мертвіи бо срама не имутъ!* Воины, одушевленные словами и примѣромъ вождя, устремились на многочисленнаго непріятеля и одержали побѣду. Д. Д.

*

И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ!

Великій Князь Димитрій Іоанновичь, избавитель Россіи отъ постыднаго рабства. Со времени несчастнаго сраженія при Калкѣ (1223) Татары господствовали надъ Князьями Россійскими, свергая ихъ по произволенію съ престола и налагая тяжкія дани. Димитрій отмстилъ за сіи поруганія, и предводительствуя самъ соединенными Рускими силами, истребилъ на берегу Дона несмѣтное воинство Мамая. Онъ положилъ первое основаніе могуществу Россіи, утвержденному потомъ великою *четою соименныхъ* (Іоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петромъ и Августѣйшими Его преемниками. Д. Д.

Внимайте кличь: Полтава!

Сраженіе при Полтавѣ рѣшило навсегда участь Россіи. Обыкновенныя послѣдствія войны суть всеобщее опустошеніе и грабительства; но сей знаменитый день былъ виною благополучія многихъ милліоновъ, увѣнчавъ труды, подъятые Великимъ Петромъ для преобразованія Своего отечества. Дерзкій Карлъ, ворвавшійся въ предѣлы Россійскіе съ непобѣдимымъ воинствомъ, едва могъ спастись бѣгствомъ съ немногими спутниками, въ числѣ коихъ былъ измѣнникъ Мазепа, названный здѣсь *братомъ владыки* (Карла XII.) Д. Д.

О горе! горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Кому изъ современниковъ нашихъ неизвѣстны подвиги Россійскаго Аннибала, преодолѣвшаго самую природу на вершинахъ

Альпійскихъ? Потомство будетъ съ удивленіемъ читать въ лѣтописяхъ безпристрастной Исторіи дѣла сего *Вождя побѣды*, грозы Оттомановъ и Сарматовъ, избавителя Италіи. Онъ скончалъ славные дни свои: но духъ его еще предводитъ полками нашими и вливаетъ новое мужество въ сердца воиновъ. Д. Д.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!

Воздавъ должную хвалу почившимъ Героямъ, пѣвецъ посвящаетъ сей кубокъ любви къ отечеству, столь славно ознаменовавшей народъ Россійскій, при нашествіи свирѣпаго непріятеля. Всѣ состоянія стремились на перерывъ показать приверженность свою къ Вѣрѣ и Престолу. Дворянство образовало страшную рать изъ миролюбивыхъ земледѣльцовъ и радостно проливало кровь свою, предводительствуя ими на полѣ чести; Духовенство возсылало теплыя мольбы ко Всевышнему о спасеніи благочестиваго Царства, и вмѣстѣ съ купечествомъ спѣшило жертвовать имуществомъ своимъ общей пользѣ. Повсюду хищный врагъ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, и гибельный для него конецъ войны доказалъ вселенной, сколь силенъ народъ, исполненный пламенной любви къ Государю и отечеству. Д. Д.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь!

Имя Князя Смоленскаго, спасителя Россіи, пребудетъ всегда незабвеннымъ для истинныхъ патріотовъ. Въ то печальное время, когда враги гнѣздились въ древней столицѣ, угрожая разрушить послѣдній оплотъ вольности Европы, мудрый вождь не унывалъ духомъ и готовилъ достойную казнь горды-

нѣ ихъ. Съ быстротою молніи перелетѣлъ онъ отъ береговъ Москвы до Эльбы, расточивъ сонмища иноплеменныхъ и устлавъ путь свой безчисленными ихъ трупами. Орлиный взоръ его измѣрялъ уже берега Рейна, когда жестокая смерть, которой онъ столько разъ подвергалъ себя во брани, сразила его на одрѣ болѣзни, посреди блистательнаго поприща. Но благодарное отечество, почтившее героя довѣренностію своею, сохранитъ на вѣки память его вмѣстѣ съ безсмертною памятію Пожарскаго; а мужественные воины, сражавшіеся подъ его знаменами, съ гордостію нѣкогда скажутъ юнымъ товарищамъ и дѣтямъ своимъ: „и мы были его сподвижниками, и мы „мстили за Москву, обращенную въ пепелъ неистовою зло„бою!“ Д. Д.

О диво! се орелъ пронзилъ

Надъ нимъ небесъ равнины!

У древнихъ парящій орелъ почитаемъ былъ предвѣстникомъ побѣды; знаменіе сіе не обмануло и насъ на достопамятномъ Бородинскомъ полѣ. Когда Россійскій вождь устроивалъ полки свои, Орелъ пролетѣлъ надъ нимъ при радостныхъ кликахъ воиновъ и былъ вѣрнымъ предтечею погибели враговъ нашихъ. Д. Д.

И Багговутъ, среди мечей,

Средь копій безмятежный.

Эти стихи сочинены прежде Тарутинскаго сраженія. Багговутъ былъ первою его жертвою.

Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила.

Кульневъ убитъ въ 30 верстахъ отъ мѣстечка Люцина, гдѣ жила его мать и гдѣ провелъ онъ свое младенчество.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой!

Кутайсовъ убитъ подъ Бородинымъ. Въ немъ погибла одна изъ блистательнѣйшихъ надеждъ нашей арміи. Съ великими дарованіями воина соединялъ онъ умъ пріятной и прекрасной характеръ нравственной. Онъ любилъ словесность и въ свободное время писалъ стихи. — Послѣ Бородинскаго сраженія увидѣли его лошадь, обагренную кровію, бѣгающую безъ сѣдока и долго не могли отыскать его тѣла.

Еще дружинъ надежда въ немъ!

Багратіонъ умеръ отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Бородинымъ. Армія нѣсколько времени надѣялась на его выздоровленіе, но судьба рѣшила иначе.

Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!

По Миѳологіи Сѣверныхъ народовъ, витязи, сраженные во браняхъ, переселялись въ Валкалу, къ отцу своему Одену. Стихотворецъ замѣнилъ здѣсь баснословнаго Одена безсмертнымъ Суворовымъ, наставникомъ покойнаго Князя Багратіона въ воинскомъ искусствѣ! Герой Италійскій съ отеческою нѣжностію пріемлетъ въ жилища небесныя вождей, запечатлѣвшихъ кровію своею одержанныя побѣды; Кульневъ, Кутайсовъ, Багратіонъ

возносяшся къ нему со славою и радосшно взираюшъ на храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, карающихъ дерзновенныхъ Галловъ. Д. Д.

О радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!

Авшоръ соглашаешся здѣсь со мнѣніемъ нѣкошорыхъ писашелей, пріемлющихъ Бояна за великаго сшихошворца, кошорый процвѣшалъ во мрачныя времена Исшоріи нашей и, подобно Греческому Тиршею, возбуждалъ пѣснями своими мужесшво Славенскихъ воиновъ. Д. Д.

Хвала безтрепетныхъ вождямъ!

Вождями *безтрепетныхъ* названы здѣсь Парпизаны, кошорые въ прошедшую войну, особенно въ кампанію 1812, много способсшвовали къ исшребленію непріяшеля.

Къ Воейкову.

А. Ѳ. Воейковъ, извѣсшный нашъ сшихошворецъ, объѣздивъ нѣкошорыя южныя провинціи Россіи, посѣшилъ Авшора, живщаго въ деревнѣ (въ концѣ 1813). Онъ написалъ нѣсколько сшиховъ въ похвалу поэмы его *Владимиръ*, сущесшвующей въ одномъ шолько воображеніи. Свиданіе съ пріяшелемъ и похвалы шакой поэмы, *которой еще нѣтъ*, подали мысль сочинишь эшо посланіе.

Къ Тургеневу.

Сіе посланіе посвящено воспоминаніямъ молодости. Двухъ друзей, украшавшихъ ее, нѣтъ уже на свѣтѣ.

Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселья Надежды.

Андрей Ивановичь Тургеневъ. Онъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Умъ необыкновенно проницательной, острой и ясной; чистое, исполненное любви къ прекрасному сердце. Въ семъ посланіи изображенъ онъ такимъ, каковъ былъ.

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ!

Наружность его отвѣчала его характеру: *быстрый* взоръ, казалось, ясно читалъ въ каждомъ сердцѣ; но этотъ взоръ никого не приводилъ въ замѣшательство — въ немъ сіяла кроткая, непритворная, доброжелательная душа. И разговоръ его былъ таковъ же: не возможно было имѣть болѣе остроты и ничья острота не имѣла въ себѣ столь много привлекательнаго, ибо она была непринужденная, не оскорбляла самолюбія, соединялась съ *нѣжностію сердечною* и была самымъ пріятнымъ ея выраженіемъ. Стихъ:

Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?

Есть самое вѣрное изображенiе той дружбы, которую питали къ нему его товарищи: этимъ *однимъ*, общимъ для всѣхъ нихъ чувствомъ, тѣснѣе были они соединены и между собою. Онъ точно былъ для нихъ *душею всѣхъ радостей*. И теперь съ живымъ объ немъ воспоминанiемъ всегда возобновляется сладкое чувство прежней молодой жизни, а вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ и все, что было лучшаго въ этомъ лучшемъ времени. Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившеюся надеждою: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка; но это *все* безплодно погибло для здѣшняго свѣта.

Другой...старикъ! сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшею главой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!

Иванъ Петровичъ Тургеневъ. Онъ имѣлъ несчастiе пережить милаго сына, и эта потеря, кажется, была отъ части причиною собственной, преждевременной смерти его: онъ умеръ не въ дряхлыхъ лѣтахъ, отъ паралича, лишенный памяти, языка, руки и ноги. Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго, опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностiю, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностiю:

Его сѣдинъ свобода не чуждалась!
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшiй намъ собратъ!
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами!

Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

Это изображеніе самое вѣрное. Не льзя безъ сладкаго чувства вспомнить объ этомъ старцѣ. Онъ былъ *живой юноша* въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждой готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою. Послѣдніе годы жизни его были горестны. Тяжелая болѣзнь мало по малу его уничтожала.

Онъ мыслію, безмолвный предъ Судьбой,
Молилъ Творца: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла....

И отецъ и сынъ покоятся вмѣстѣ. Они погребены на кладбищѣ Невскаго монастыря. Одинъ камень покрываетъ ихъ могилы.

Сиротка.

Трогательное происшествіе подало поводъ написать эти стихи. Одна *забывчивая* мать оставила своихъ дѣтей (трехъ дочерей) въ Москвѣ, при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостію посторонняго, бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ живетъ теперь у А. И. Пл....вой, которая печется объ ней съ материнскою нѣжностію, и не розititь ее ни въ чемъ съ собственными дѣтьми своими. Другія двѣ возвращены матери.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ивиковы журавли.

На Посейдоновъ пиръ веселый,

Куда стекались чада Гелы.

Подъ словомъ *Посейдоновъ пиръ* разумѣются здѣсь *игры Истмійскія,* которыя отправляемы были на перешейкѣ (Истмѣ) Коринѳскомъ въ честь Посейдона (Нептуна). Побѣдители получали сосновые вѣнцы. *Гела, Элла, Эллада,* имена древней Греціи.

Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный

Геліосъ имя солнца у Грековъ.

И тихо выступаетъ хоръ.

Хоръ Евменидъ (Эринній, Фурій). Сіи богини, дщери Нощи и Ахерона открывали тайныя преступленія, преслѣдовали виновныхъ и мстили имъ на землѣ и въ адѣ.

Кассандра.

Кассандра дочь Пріама и Гекубы. Аполлонъ одарилъ ее предвѣденіемъ. По разрушеніи Трои, досталась она на часть Агамемнона и вмѣстѣ съ нимъ погибла отъ руки Эгиста. Стихотворецъ представилъ ее въ ту минуту, въ которую совершается бракъ Ахиллеса (названнаго здѣсь *Пелидомъ* по отцу его

Пелею) съ Поликсеною, младшею дочерью Пріама. Она слышитъ торжественныя пѣсни и въ то же время предвидитъ ужасный конецъ торжества. Извѣстно, что Ахиллесъ, передъ самымъ олтаремъ брачнымъ, умерщвленъ Парисомъ, котораго стрѣла направлена была Аполлономъ.

Ахиллъ.

Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго и безъ славы, или погибнуть въ молодости, но со славою — онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Иліона. Онъ зналъ, что конецъ его вскорѣ послѣдуетъ за смертію Гектора — и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ всюду, и въ шумный бой и въ уединенный шатеръ; вездѣ онъ помнилъ объ ней; наконецъ онъ слышалъ и пророческій голосъ коней своихъ, возвѣстившій ему погибель.

Видѣнъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ.

Пріамъ приходилъ одинъ ночью въ Греческій станъ молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольбы сего старца тронули душу грознаго героя: онъ возвратилъ ему обезображенный трупъ его сына, и Пріамъ, невредимъ, возвратился въ Трою.

И скрыпятъ врата Айдеса.

Аидъ, Айдесъ, такъ назывался у Грековъ адъ; Плутонъ былъ проименованъ Айдонеемъ.

Ты не жди, Менецій, сына!

Менецій отецъ Патрокла.

Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ.

Пирръ сынъ Ахилла и Деидаміи, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, когда Ахиллъ ратовалъ подъ стѣнами Иліона, онъ находился въ Скиросѣ у дѣда своего Царя Ликомеда.

Имена особъ, благоволившихъ подписаться на сію книгу.

Въ Санктпетербургѣ:

	Экзем.
Ея Величество, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.	25.
Его Сіятельство Графъ Николай Петровичь Румянцевъ	10.
Алексѣй Кириловичь Разумовскій	1.
Павелъ Александр. Строгоновъ	1.
Евгравъ Ѳедотовичь Комаровскій	1.
Петръ Андреевичь Толстой .	1.
Александръ Николаевичь Зубовъ	1.
Михаилъ Юрьевичь Вельгорскій .	2.
Александ. Григорьев. Кушелевъ	1.
Григорій Григорьевичь Кушелевъ	1.
Ея Сіятельство Графиня Елисавета Алекс. Остерманъ-Толстая	1.
Софья Алекс. Мусина-Пушкина	1.
Александра Григорьевна Лаваль	1.
Его Сіятельство Князь Александръ Николаевичь Голицынъ	1.
Александ. Михайловичь Голицынъ	2.
Борисъ Алексѣевичь Куракинъ .	1.
Григорій Ивановичь Гагаринъ .	1.
Петръ Борисовичь Козловскій .	1.
Сергій Сергѣевичь Гагаринъ . .	1.
Его Свѣтлость Князь Павелъ Петровичь Лопухинъ . .	1.
Ея Сіятельство Княгиня Надежда Дмитріевна Хилкова	1.
Авдотья Ивановна Голицына .	1.
Принцесса Луиза Карловна Биронъ . .	2.

Его Высокопревосходительство Гавр. Роман. Державинъ . 1.
Ея Высокопревосходительство Екатерина Александровна
Кологривова . . . . 1.
Екатерина Ивановна Нелидова . 2.
Софья Петровна Свѣчина . . 1.
Его Превосходительство Юрій Александровичь Нелединскій-Мелецкій . . . . 1.
Петръ Степановичь Молчановъ 1.
Иванъ Ивановичь Мартыновъ . 1.
Иванъ Петровичь Пущинъ . . 1.
Михайло Никитичь Баккаревичь 1.
Николай Мартемьянов. Сипягинъ 1.
Яковъ Васильевичь Вилліе . . 1.
Сергѣй Семеновичь Уваровъ . 1.
Алексѣй Николаевичь Оленинъ . 1.
Арсеній Андреевичь Закревскій 1.
Дмитрій Васильев. Васильчиковъ 1.
Иванъ Васильевичь Туполминъ . 2.
Григорій Ивановичь Вилламовъ . 2.
Павелъ Ивановичь Протасовъ . 1.
Николай Александр. Загряжскій 1.
Констант. Яковлев. Булчаковъ 1.
Александ. Михайлов. Потемкинъ 1.
Василій Сергѣевичь Шереметевъ 1.
Петръ Петровичь Чекалевскій . 1.
Ея Превосходительство Катерина Ѳедоровна Муравьева 1.
Надежда Никитична Голенищева-Кутузова 1
Дарья Ивановна Уварова . . . 1.
Наталья Яковлевна Плюскова . 1.
Екатерина Александ. Чечерина . 1.
Его Высокородіе Петръ Ивановичь Полетика . . . . 1.

Его Высокородіе Александръ Ивановичь Тургеневъ . . 1.

. . . . . Иванъ Петровичь Мартосъ . . . . . 1.

Ея Высокородіе Настасья Семеновна Грибоѣдова . . . 1.

. . . . . Анна Николаевна Рускони . . . . . . 1.

. . . . . Ирина Дмитріевна Полтарацкая . . . 1.

Его Высокоблагородіе Михайло Матвѣевичь Булдаковъ . 1.

. . . . . Константп. Николаев. Батюшковъ . 1.

. . . . . Александръ Карловичь Стурдза . 1.

. . . . . Степанъ Петровичь Жихаревъ . 1.

. . . . . Василій Филатьевичь Матвѣевъ . 1.

. . . . . Иванъ Ѳилипповичь Тупылевъ . . 1.

. . . . . Павелъ Павловичь Пезаровіусъ . . 1.

. . . . . Дмитрій Николаевичь Блудовъ . . 1.

. . . . . Алексѣй Николаевичь Хомяковъ . 1.

. . . . . Григорій Андреевичь Глинка . . . 1.

. . . . . Александр. Александр. Поликарповъ 1.

. . . . . Александръ Павловичь Протасовъ . 1.

. . . . . Александръ Ѳедоровичь Воейковъ 25.

. . . . . Николай Ивановичь Гнѣдичь . . . 1.

. . . . . Дмитрій Васильевичь Дашковъ . . 1.

. . . . . Александръ Ивановичь Кипріяновъ 1.

. . . . . Сергѣй Ивановичь Тургеневъ . . 1.

. . . . . Николай Ивановичь Тургеневъ . . 1.

. . . . . Григорій Александровичь Окуневъ . 1.

. . . . . Дмитрій Петровичь Сѣверинъ . . 1.

. . . . . Александръ Николаевичь Струйскій 1.

. . . . . Василій Ивановичь Марковъ . . . 1.

. . . . . Иванъ Васильевичь Марковъ . . . 2.

. . . . . Александръ Ильичь Киреевской . 1.

. . . . . Иванъ Андреевичь Фелькнеръ . . 1.

. . . . . Михаилъ Дмитріевичь Костогоровъ 1.

. . . . . Николай Николаевичь Сушковъ . 1.

Его Высокоблагородіе Иванъ Өедоровичь Воейковъ . . . 1.
Богданъ Ивановичь Іонъ . . . . . 1.
Өедоръ Матвѣевичь Гауеншильдъ . 1.
Павелъ Ивановичь Арсеньевъ . . 1.
Петръ Ивановичь Вульфъ . . . 1.
Иванъ Өедоровичь Саврасовъ . . 1.
Газе . . . . 1.
Өедоръ Емельяновичь Труневъ . . 1.
Иванъ Николаевичь Ошеметковъ . 1.
Өедоръ Александровичь Уваровъ . 1.
Григорій Александров. Щербининъ 1.
Павелъ Дмитріевичь Валуевъ . . 1.
Степанъ Дмитріевичь Нечаевъ . 1.
Андрей Ивановичь Яновскій . . . 1.
Ея Высокоблагородіе Марья Михайловна Челицена . . . 1.
Анна Андреевна Блудова . . . . 1.
Катерина Дмитріевна Власьева . . 1.
Надежда Александровна Тулачевская 1.
Марья Степановна Мартынова . . 1.
Елисавета Васильевна Малиновская 1.
Его Благородіе Петръ Егоровичь Доброхотовъ . . . . 1.
Семенъ Гавриловичь Боголюбовъ . . . 1.
Николай Ивановичь Гречь . . . . . 1.
Иванъ . . . . Шульгинъ . . . . 1.
Иванъ Андреевичь Крыловъ . . . . . 1.
Павелъ Петровичь Писемскій . . . . 1.
Александръ Сергѣевичь Пушкинъ . . . 1.
Филиппъ Филипповичь Вигель . . . . 1.
Романъ Гавриловичь Соколовичь . . . 1.
Александръ Ивановичь Карповъ . . . 1.
Михаилъ Васильевичь Милоновъ . . . 1.
Иванъ Петровичь Мятлевъ . . . . . . 1.

Его Благородіе Николай Исаевичь Депрейсъ . . . . . 1.
Николай Ивановичь Ушкинъ . . . . . 1.
Николай Васильевичь Сушковъ . . . . . 1.
Алексѣй Тихоновичь Ярославовъ . . . 1.
Михаилъ Ивановичь Головлевъ . . . . . 1.
Иванъ Степановичь Морейской . . . 1.
Семенъ Алексѣевичь Мягкой . . . . . 1.
Василій Тимофеевичь Кашкинъ . . . . 1.
Купецъ Василій Васильевичь Виксъ . . . . 1.
Для Санктпетербургскаго Педагогическаго Института . 5.
Гимназіи С. П. бургскаго Учебнаго Округа . . . 1.
Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полка . . . . 1.
Библіотеки Генеральнаго Штаба . . . . 1.

Въ Москвѣ:

Его Сіятельство Графъ Ѳедоръ Ивановичь Толстой . . 1.
Ѳедоръ Андреевичь Толстой . 1.
Его Сіятельство Князь Павелъ Петровичь Гагаринъ . . 1.
Петръ Андреевичь Вяземскій . . . . 1.
Василій Петровичь Шаховской . . . 1.
Андрей Петровичь Оболенскій . . . 1.
Александръ Петровичь Оболенскій . . 1.
Александръ Андреевичь Волконскій . . 1.
Иванъ Петровичь Оболенскій . . . . 1.
Александръ Николаевичь Голицынъ . . 1.
Григорій Яковлевичь Голицынъ . . . 1.
Сергій Ивановичь Голицынъ . . . . . 1.
Алексѣй Леонтьевичь Шаховской . . 1.
Борисъ Антоновичь Четвертинскій . . 1.
Александръ Ѳедоровичь Щербатовъ . . 1.
Николай Алекс. Касаткинъ-Ростовскій 1.
Иванъ Николаевичь Трубецкой . . . 1.

*

Его Сіятельство Василій Сергѣевичь Мещерскій . . . 1.
. . . Алексѣй Алексан. Лобановъ-Ростовскій 1.
Ея Сіятельство Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская . . 1.
. . . Катерина Александр. Трубецкая 1.
. . . Марья Алексѣевна Волконская 1.
. . . Княжна Алекс. Алексѣевна Шаховская 1.
Его Высокопревосходительство Степанъ Степановичь Апраксинъ . . . . 1.
Его Превосходительство Иванъ Матвѣевичь Муравьевъ-Апостолъ . . . . 1.
. . . Иванъ Ивановичь Дмитріевъ . 1.
. . . Алексѣй Михайловичь Пушкинъ 1.
. . . Денисъ Васильевичь Давыдовъ . 1.
. . . Иванъ Васильевичь Чертковъ . 1.
. . . Петръ Никифоровичь Ивашевъ 1.
. . . Александръ Петровичь Валуевъ 1.
. . . Алексѣй Ѳедоров. Малиновскій 1.
Ея Превосходительство Вѣра Николаевна Аршеневская . 1.
. . . Елисавета Ѳедоровна Бухарина 1.
. . . Мавра Егоровна Быховецъ . . 1.
. . . Катерина Сергѣевна Герардъ . 1.
. . . Катерина Александр. Бибикова 1.
. . . Анна Николаевна Вельяминова . 1.
. . . Прасковья Николаевна Баранова 1.
. . . Анна Петровна Татищева . . 1.
Его Высокородіе Николай Евгеніевичь Кашкинъ . . . 1.
. . . Антонъ Антон. Прокоповичь-Антонскій 1.
. . . Петръ Алекс. Пусторелевъ . . . . 1.
Ея Высокородіе Елена Ивановна Пратасова . . . . . 1.
Его Высокоблагородіе Александръ Васильевичь Приклонскій 1.
. . . Николай Михайловичь Карамзинъ . 1.
. . . Павелъ Петровичь Озеровъ . . . 1.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Ѳедоровичь Мерзляковъ . 1.
. . . Ѳедоръ Васильевичь Скоряшинъ . 1.
. . . Михаилъ Трофимовичь Каченовскій 1.
. . . Гаврило Ивановичь Дурновъ . . . 1.
. . . Владиміръ Сергѣевичь Филимоновъ 1.
. . . Левъ Васильевичь Давыдовъ . . . 1.
. . . Сергѣй Михайловичь Соковникъ . . 1.
. . . Василій Львовичь Пушкинъ . . . 1.
. . . Матвѣй Михайловичь Солнцевъ . 1.
. . . Сергѣй Михайловичь Волковъ . . 1.
. . . Арсеній Ивановичь Баршеневъ . . 1.
. . . Ѳедоръ Ѳедоровичь Кокошкинъ . . 1.
. . . Евграфъ Ивановичь Сибилевъ . . 1.
. . . Петръ Ивановичь Нейгартъ . . . 1.
. . . Василій Михайловичь Ефимовичь . 1.
. . . Александръ Павловичь Офросимовъ 1.
. . . Дмитрій Александровичь Давыдовъ 1.
. . . Иванъ Петровичь Бибиковъ . . . 1.
. . . Ѳедоръ Васильевичь Самаринъ . . 1.
. . . Александръ Яковлевичь Булгаковъ . 1.
. . . Петръ Николаевичь Дмитріевъ . . 1.
. . . Дмитрій Гавриловичь Бибиковъ . 1.
. . . Илья Гавриловичь Бибиковъ . . . 1.
. . . Иванъ Захаровичь Мальцевъ . . 1.
. . . Сергѣй Ивановичь Толбухинъ . . 1.
. . . Николай Дмит. Иванчинъ - Писаревъ 1.
. . . Степанъ Ѳедоровичь Берхманъ . . 1.
. . . Петръ Николаевичь Сумароковъ . 1.
. . . Александр. Михайловичь Гусятниковъ 1.
. . . Алекс. Ивановичь Баскаковъ . . . 1.
. . . Ѳедоръ Васильевичь Самаринъ . . 1.
. . . . Богдановъ . . 1.

Его Высокоблагородіе Петръ Николаевичь Дмитріевъ . . 1.
Василій Петровичь Аникеевъ . . 1.
Сергѣй Акимовичь Мальцевъ . . 1.
Яковъ Ивановичь Лизогубъ . . . 1.
Сергѣй Герасимовичь Савиновъ . . 1.
Дмитрій Ивановичь Вельяшевъ-Волынцевъ . . . . 1.
Михайло Ѳедоровичь Сухотинъ . 1.
Александръ Петровичь Вельяшевъ 1.
Ея Высокоблагородіе Анна Константиновна Кикина . . 1.
Настасья Дмитріевна Вольская . 1.
Марья Васильевна Тимирязева . . 1.
Анна Львовна Пушкина . . . . 1.
Марья Дмитріевна Боборыкина . . 1.
Ольга Дмитріевна Аникеева . . 1.
Елисавета Дмитріевна Малютина 1.
Варвара Ивановна Бартеньева . . 1.
Его Благородіе Николай Ивановичь Екемзенъ . . . . . 1.
Николай Герасимовичь Савиновъ . . . 1.
Василій Петровичь Ивашевъ . . . . 1.
Михаилъ Александровичь Дмитріевъ . . 1.
Купецъ Иванъ Семеновичь Крашенинниковъ . . . . . . 1.
Для Библіотеки Благороднаго Пансіона при Императорскомъ Университетѣ . . . . 1.

Въ Орлѣ:

Его Сіятельство Графъ Сергій Михайловичь Каменскій . 2.
Его Высокопревосходительство Иванъ Владиміровичь Лопухинъ . . . . 1.

Въ Рязани:

Ея Сіятельство Княжна Варвара Дмитріевна Волконская 1.
Его Высокоблагородіе Петръ Гавриловичь Созоновъ . . 1.

Ея Высокоблагородіе Наталья Гавриловна Стерлингова . 1.
. . . Анна Ивановна Гарешовская . . . 1.
. . . Викторія Константин. Куликовская 1.
. . . Марья Николаевна Мосолова . . 1.
. . . Варвара Григорьевна Созонова . . 1.
. . . Наталья Григорьевна Маслова . . 1.
. . . Марья Львовна Сипягина . . . . 1.
. . . Аглая Михайловна Головнина . . 1.
. . . Александра Андреевна Маслова . . 1.
. . . Марья Васильевна Вердеревская . 1.
Его Благородіе Иванъ Алексѣевичь Боголѣповъ . . . 1.

Въ Карачевѣ:

Купеческій сынъ Василій Ивановичь Торубаевъ . . . . 1.

Въ Ростовѣ:

Купецъ Николай Ивановичь Бояркинъ . . . . 1.
Купеческій сынъ Дмитрій Семеновичь Костылевъ . . 1.

Въ Царскомъ-Селѣ:

Его Сіятельство Князь Александръ Михайлов. Горчаковъ 1.

Въ Ямбургѣ:

Его Высокоблагородіе Иванъ Адамовичь фонъ-Рошкирхъ . 1.

Въ Тулѣ:

Его Высокоблагородіе Николай Андреевичь Ординъ . . 1.

Въ Пошехоньѣ:

Его Высокоблагородіе Карлъ Николаевичь Маринъ . . . 1.

Въ Бѣлевѣ:

Его Сіятельство Князь Александръ Петровичь Юсуповъ 1.
Ея Высокородіе Анна Петровна Юшкова . . . . . 1.
Его Высокоблагородіе Иванъ Васильевичь Киреевскій . . 1.

Его Высокоблагородіе Петръ Васильевичь Киреевскій . 1.
. . . Алексѣй Сергѣевичь Бунинъ . . . 2.
Карлъ Яковлевичь Дезе . . . . 1.
. . . Баронъ Иванъ Петровичь Черкасовъ 1.
. . . Александръ Васильевичь Арбузовъ . 1.
. . . Сергѣй Евграфовичь Мининъ . . . 1.
Ея Высокоблагородіе Авдотья Петровна Киреевская . 1.
. . . Марья Васильевна Киреевская . . 1.
. . . Настасья Николаевна Злапогорская 1.
. . . Ольга Михайловна Бѣликова . . . 1.
. . . Пелагея Андреевна Полонская . . 1.
Его Благородіе Василій Андреевичь Азбукинъ . . . . 1.
Александръ Петровичь Петерсонъ . . . 1.
. . . . Андрей Николаевичь Мясоѣдовъ . . . 1.
Николай Сергѣевичь Сергѣевъ . . . . 1.
Николай Павловичь Павловъ . . . . . 1.
. . . . . Николай Алексѣевичь Собининъ . . . 1.
Денисъ Александровичь Чичеринъ . . . 1.
Дмитрій Николаевичь Лодыженскій . . 1.
Яковъ Андреевичь Пушешниковъ . . . 1.
Петръ Николаевичь Турчаниновъ . . . 1.
Купецъ Василій Алексѣевичь Баскаковъ . . . . 1.
Александръ Алексѣевичь Собининъ . . . . . 1.
Николай Васильевичь Собининъ . . . . . . 1.
. . Иванъ Григорьевичь Дорофеевъ . . . . 1.
Афанасій . . . . . . Бунаковъ . . . . 1.
Купеческій сынъ Василій Ивановичь Трубаевъ . . . . . 1.

Въ Переяславлѣ:

Его Высокоблагородіе Акимъ Петровичь Лукашевичь . . 1.

Въ Несвижѣ:

Его Благородіе Александръ Максимов. Угриничь-Требинскій 1.

Въ Новой Бѣлицѣ:

Его Высокоблагородіе Иванъ . . . . . Гинцъ . . . . . 1.

Въ Новомиргородѣ:

Его Благородіе Иванъ Николаевичь Нечай . . . . . . 1.

Въ Тамбовѣ:

Ея . . . . Елисавета Николаевна Ланская . . . . 1.
Его Высокоблагородіе Павелъ Александровичь Сапинъ . 1.

Въ Рыбинскѣ:

Его Высокоблагородіе Василій Степановичь Поповъ . . 1.

Въ Тарузѣ:

Ея Сіятельство Княгиня Елисавета Антоновна Вадбольская 1.

Въ Оренбургѣ:

Его Высокоблагородіе Ѳедоръ Ивановичь Германъ . . . 1.

Въ Бѣломъ:

Его Высокоблагородіе . . . . Рачинскій 1.

Въ Люцинѣ:

Его Высокоблагородіе Алексѣй Никитичь Пещуровъ . . 1.

Въ Пензѣ:

Ея Высокоблагородіе Катерина Александровна Радищева 1.
Его Высокоблагородіе Иванъ Васильевичь Сабуровъ . . 1.

Въ Болховѣ:

Его Высокоблагородіе Александръ Алексѣевичь Плещеевъ 1.
Его Благородіе Алексѣй Александровичь Плещеевъ . . 1.

Въ Дерптѣ:

Ея Сіятельство Графиня Юлія Мантейфель . . . . 1.
Его Превосходительство Борисъ Владиміровичь Полуехтовъ 1.
Афанасій Ивановичь Красовской 1.

Его Высокоблагородіе Карлъ Θедоровичь Петерсонъ . . 1.
Иванъ Θедоровичь Петерсонъ . . 1.
Петръ Васильевичь Шамшесъ . . 1.
Ея Высокоблагородіе Катерина Афанасьевна Протасова 10.
Его Благородіе Евстафій Θедоровичь Петерсонъ . . . 1.
Антонъ Θедоровичь Петерсонъ . . . 1.
Александръ Θедоровичь Фурманъ . . . 1.
Г. Пробстъ Бергъ . . . . 1.
Г. Асмусъ . . . . 1.
Г. Геншлеръ . . . . 1.
Для Библіотеки Императорскаго Университета . . 1.
Дерптской Гимназіи . . . . 1.
Дерптскаго Уѣзднаго Училища . . . . 1.
Дерптской школы Диттлера и Асмуса . . . . 1.

Въ Ригѣ:

Его Высокоблагородіе . . . . Дурново . . 1.
. . . . Могилевичь 1.
. . . . Котляревскій 1.
Его Благородіе . . . . Мейеръ . . 1.
. . . . Глуховъ . . 1.

Въ Волмарѣ:

Его Высокоблагородіе . . . . Астафьевъ 1.
Его Благородіе . . . . Гнетневъ 1.

Въ Перновѣ:

Его Превосходительство . . . . Лялинъ . 1.

Въ Валкахъ:

Его Благородіе . . . . Дубининъ 1.

Въ Костромѣ:

Для Костромской Губернской Гимназіи . . . . . . 1.

ПОГРѢШНОСТИ

въ первой части.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читай:*
108 . .	5 .	Гоня Зилантовъ и Полкановъ	Громя Зилантовъ и Полкановъ
230 .	15 .	Тамъ не слышны вихри злые;	Тамъ не слышны вихри злые
		На пригоркахъ, на лугахъ	На пригоркахъ, на лугахъ;

Во второй части.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читай:*
31 . .	7 .	Дабы обилія на смертныхъ лишь рѣкою	Дары обилія на смертныхъ лишь рѣкою.
266 .	21 .	Вдругъ ужь пусто!... смолкли бои!	Вкругъ ужь пусто!... смолкли бои!
. . .	24 .	Плющь и терній обвились!	Плющь и терны обвились!

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Gerits 18.2.87
4800 bfl

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Stichotvorenija Vasilija Žukovskago

Bd.: 2. Směs', ballady. - 1816. - 338 S. : 1 Ill.

Sanktpeterburg 1816

Res/4 P.o.russ. 8 g-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10908421-8